

В
901
ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
НА X МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИКОВ В РИМЕ

VORTRÄGE DER SOWJETISCHEN DELEGATION AUF DEM
X INTERNATIONALEN KONGRESS HISTORIKER
IN ROMA

Я. ЗУТИС

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ИСТОРИОГРАФИИ НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ (XIX—XX ВВ.)

J. ZUTIS

DIE GRUNDRICHTUNGEN
IN DER HISTORIOGRAPHIE DER VÖLKER
DES OSTBALTIKUMS (XIX—XX JH.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — 1955

1873

THE NATIONAL ANTHROPOLOGICAL ARCHIVES
SMITHSONIAN INSTITUTION
WASHINGTON, D. C. 20560

RECEIVED FROM THE NATIONAL ANTHROPOLOGICAL ARCHIVES
SMITHSONIAN INSTITUTION
WASHINGTON, D. C. 20560

J. ZUTIS
DIE GRUNDRICHTUNGEN
IN DER HISTORIOGRAPHIE DER VÖLKER
DES OSTBALTIKUMS (XIX—XX Jh.)

VERLAG AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN UdSSR
Moskau—1955

В
901

В

844-88

Я. ЗУТИС
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ИСТОРИОГРАФИИ НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ (XIX—XX вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—1955

60.

a Latv. PSR Valsts Bibliotēka
IDV 55-16.448

56

Latvian State Library
55-16.448

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ (XIX—XX вв.)

1. Условия развития исторической науки в Латвии и Эстонии

Прибалтийские губернии (Курляндская, Лифляндская и Эстляндская) во многих отношениях занимали особое место среди остальных губерний царской империи. К концу XIX в. Прибалтийский край выдвинулся на одно из первых мест среди окраин России по своему промышленному развитию. Однако в аграрном отношении сохранились столь многочисленные пережитки феодализма и крепостничества, как нигде в остальной России. Местное прибалтийское дворянство пользовалось особыми сословными правами, неизвестными для русского дворянства. В результате этого общественные контрасты и социальные противоречия, присущие царской России, накануне Октябрьской революции 1917 г. в прибалтийских губерниях приняли наиболее обостренный характер. Своиственные капиталистическому обществу классовые противоречия обострялись еще более национальными противоречиями. Господствующее положение в Прибалтийском крае занимало немецкое меньшинство, которое в 1881 г. составляло 10,3% населения Латвии, а в 1897 г. — только 8,06%. Латышское и эстонское население, составлявшее абсолютное большинство местных жителей,

находилось в угнетенном положении как в политическом, так и в экономическом и культурном отношении. Обострившаяся классовая и национальная борьба определила особенности развития исторической науки в Восточной Прибалтике. До 1917 г. центральной проблемой исторических исследований остается вопрос об особых привилегиях прибалтийского дворянства и господствующего немецкого меньшинства в прибалтийских городах.

С победой Октябрьской социалистической революции 1917 г. начинается новая эпоха в истории народов Восточной Прибалтики. Однако победа буржуазной контрреволюции временно оторвала эти народы от СССР. В период господства националистической буржуазии создались неблагоприятные условия для развития исторической науки. Лишь двадцать лет спустя, после восстановления советской власти в 1940 г., латышские и эстонские историки присоединились к многочисленной семье советских историков. Но вскоре после этого условия для развития исторической науки в Восточной Прибалтике оказались мало благоприятными из-за оккупации страны гитлеровской армией. Лишь после изгнания оккупантов историки Советской Латвии и Эстонии получили возможность по настоящему заниматься научно-исследовательской работой. Таким образом, советский период в историографии Латвии и Эстонии ограничен последним десятилетием (1945—1955), и советская историография Восточной Прибалтики является самой молодой в исторической науке СССР. Конечно, советские историки в деле изучения истории прибалтийских народов получили некоторое наследство от историков предшествующих поколений. Только с учетом полученного наследства возможна правильная оценка результатов исследовательской работы советских историков, занимающихся изучением истории прибалтийских народов.

2. Прибалтийско-немецкая дворянская историография¹

Хронологически первыми историками Восточной Прибалтики были ученые и публицисты из прибалтийских немцев.

IV В прибалтийско-немецкой историографии господствующее направление было представлено защитниками экономических и политических интересов местного дворянства. Историки, принадлежащие к этому направлению, в своих исторических работах неизменно и последовательно отстаивали классовое господство немецких феодалов, дворянства, их право на эксплуатацию латышского и эстонского крестьянства. Начиная с Хроники Генриха Латыша в XIII в., историки этого направления на протяжении семи веков защищали феодально-сословный характер местных аграрных отношений, судебных и политических учреждений. В зависимости от политической обстановки феодально-дворянская историография меняла историческую концепцию и аргументацию, подбирались новые факты, выдвигались новые руководящие идеи, принципы, словом, менялись приемы научного обоснования классового господства немецких завоевателей и их потомков, но целевая установка и политическая сущность оставались прежними. До второй половины XVIII в. прибалтийские дворянские историки и публицисты обосновывали неограниченное право помещиков над жизнью и имуществом крепостных ссылками, во-первых, на право за-

¹ Я. З у т и с. Очерки по историографии Латвии, ч. I. Рига, 1949. — К. В. Л а й г н а. Развитие эстонской исторической мысли до 1917 г. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1952. — Eduard W i n k e l m a n n. Bibliotheca Livoniae historica. Berlin, 1878. — E. B l u m f e l d t u. N. L o o n e. Bibliotheca Estoniae historica MDCCCLXXVII—MCMXVII. Tartu, 1933—1939. — J. M i s s i ņ š. Latviešu Rakstniecības Rādītājs (1585—1910). Rīgā, 1924.

воевателей, во-вторых, на культуртрегерскую роль немецкого меньшинства в Восточной Прибалтике, которое насильственными методами будто бы приобщило латышей и эстов к христианской церкви и другим благам западноевропейской культуры, в-третьих, рецессией римского права, т. е. отождествлением древнеримских рабов с крепостными в феодальном обществе и, в-четвертых, указанием на особый национальный характер латышей и эстов, из-за которого они должны находиться в вечном подчинении и повиновении у немецких феодалов.¹

В период разложения феодально-крепостнической системы хозяйства (конец XVIII—первая половина XIX в.) защитники крепостничества объявили себя приверженцами доктрины либерализма, провозгласившей свободу хозяйственной деятельности и невмешательства государственной власти в частноправовые отношения. Доктрину либерализма местные крепостники толковали как невмешательство государственной власти в аграрные отношения прибалтийских губерний. После безземельного освобождения прибалтийских крестьян в 1816—1819 гг. дворянство добилось упразднения всех законов, которыми до этого правительство пыталось определить размеры повинностей крестьян в пользу помещиков. Вплоть до реформ 60-х годов XIX в. в прибалтийских губерниях сохранилось барщинное хозяйство, но правовым его основанием теперь считался договор между землевладельцем-помещиком и крестьянином-арендатором или съемщиком земельного участка, обязанным выполнять барщину в размерах, установленных помещиком. В прибалтийско-немецкой историографии появилось новое поколение либералов-помещиков и буржуа, возглавляемых Рейнгольдом Самсоном-Гиммельстиерна (1778—1858), Фридрихом Георгом Бунге (1802—1897) и другими, кото-

¹ Я. З у т и с, указ. соч., стр. 238—247.

рые, прикрываясь либерализмом, выступали рьяными защитниками средневековых прав и привилегий немецкого меньшинства в прибалтийских губерниях. С этой целью они объединялись в Общество для изучения истории остзейских провинций России. Это общество прибалтийских историков организовало в 30—40-х годах XIX в. большую работу по извлечению из архивов и библиотек жалованных грамот и других законодательных актов, подтверждающих привилегии местного дворянства и городских сословий. Своей деятельностью члены общества содействовали составлению и изданию «Свода местных узаконений губерний остзейских».¹

В 60-х годах XIX в., в период буржуазных реформ в России, прибалтийские дворянские историки обычно пользовались либеральной фразеологией и выставляли себя защитниками законности и даже конституционализма. Под законностью и конституцией дворянские историки понимали пережитки феодально-сословных прав и крепостничества, обильно сохранившиеся в прибалтийских губерниях. Юлий Эккарт (1836—1908),² Вольдемар фон Бок (1816—1903),³ Карл Ширрен (1826—1910),⁴ Теодор Шиман (1847—1921),⁵ Герман Бруйнинг (1849—1927)⁶ и

¹ Ч. I и II, СПб., 1845; ч. III, СПб., 1864.

² Среди многочисленных сочинений Ю. Эккарта, преимущественно публицистического содержания, выделяется монография, написанная на основании источников. (J. Eckardt. Livland im 18 Jahrhundert. Umrisse zu einer livländischen Geschichte. Erster Band, bis zum Jahre 1766. Leipzig, 1876).

³ W. v. Bock. Livländische Beiträge, Bd. I—III. Berlin—Leipzig, 1867—1871.

⁴ C. Schirren. Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1869. (Zweite und dritte Ausgabe).

⁵ Th. Schiemann. Russland, Polen und Livland bis ins 7 Jahrhundert, I—II. Berlin, 1884—1886.

⁶ H. Bruiningk. Livländische Rückschau. Zur Abwehr gegen «Livländische Rückblicke». Dorpt—Riga—Leipzig, 1879.

другие историки выступали апологетами прибалтийских немецких привилегий.

Во второй половине XIX в. большинство прибалтийских немецких историков в методологическом отношении было последователями геттингенской исторической школы Георга Вайца. Начиная с 70-х годов, профессор Дерптского университета Рихард Гаусман (1842—1918) в этом направлении воспитал не одно поколение историков. В деле защиты феодальных традиций в аграрных отношениях наибольшую популярность в историографии приобрели Астаф Транзе-Розенек, ученик Георга Кнаппа, основателя известной страбургской школы аграрных историков в Германии, и Александр Тобин (1854—1929), многолетний секретарь дворянского статистического комитета.¹ После Великой Октябрьской революции последний написал некролог лифляндского дворянства: он издал двухтомное сочинение о верной службе лифляндского дворянства царизму и о борьбе лифляндцев против русского общественного мнения, против русского народа.²

Оценивая историческое «наследство» прибалтийско-немецкой дворянской историографии, объективный историк приходит к выводу, что по существу она почти ничего не дала для изучения истории прибалтийских народов — латышей и эстов. Дворянские историки в своих работах изучали историю немецкой верхушки, господствовавшей в Восточной Прибалтике, умалчивая о прибалтийских народах и их исторических судьбах. Можно выразить лишь

---

¹ A. v. T o b i e n. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19 Jahrhundert: Bd. I (Die Bauernverordnungen von 1804 und 1819), Berlin. 1899; Bd. II (Die Vollendung der Bauernbefreiung), Berlin, 1899; Riga, 1911.

² A. v. T o b i e n. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus, Bd. I u. II. Berlin—Riga, 1925—1930.

удивление и сожаление по поводу того, что в Германии, Скандинавии и других странах до сих пор исторические сведения о народах Прибалтики черпаются из такого источника, как прибалтийско-немецкая дворянская историография.

Прибалтийско-немецкая дворянская историография ставила своей целью замалчивание истории латышей, ливов и эстов. Пауль Эйнгорн в своей «*Historia Lettica*» (XVII в.)¹ поясняет те политические соображения, которыми руководствовались немецкие феодалы, запрещая знакомить латышских крестьян с историей своей страны. Он рассказывает характерный случай, когда один образованный немец перевел на латышский язык средневековую хронику о военных подвигах древних латышей и читал ее крестьянам. Крепостные стали собираться группами и обсуждать прочитанное. Помещики испугались, как бы не произошло восстание, и под угрозой смертной казни запретили говорить об историческом прошлом латышского народа.

В XIX в., после освобождения крестьян, когда оказалось уже невозможным просто замалчивать историю латышского и эстонского народов, в газетах, календарях и других изданиях для народа прославлялась культуртрегерская роль немецких феодалов, которые изображались в несвойственной им роли благодетелей латышского и эстонского народов. Доказывалось, что коренными жителями Восточной Прибалтики были якобы готы, а эстонцы и другие народы пришли из России и заняли место первоначального готского населения. Подобная «готская теория», имевшая некогда хождение, ныне нигде не находит приверженцев, в том числе и среди серьезных

---

¹ P. Einhorn. *Historia Lettica*. Dorpt, 1649 (переиздано в *Scriptores rerum Livonicarum*, II, 1853).

ученых Германии.¹ В середине XIX в. эта теория имела своей целью оправдать германскую феодальную агрессию XIII столетия. Пастор А. Х. Виллигероде перед эстонскими читателями так и ставил вопрос: «И если туземцам (т. е. эстам и латышам, — Я. З.) бог разрешил из России притти в нашу страну, на народ (т. е. готов, — Я. З.), который уже раньше их здесь жил, почему тогда следовало бы немцам воспретить приход в нашу страну?»² В свете позднейших археологических исследований теория о длительном пребывании готов в Восточной Прибалтике оказывается совершенно несостоятельной. Непрерывное развитие материальной культуры эстов и латышей с древнейших времен до начала XIII в. убедительно опровергает утверждение о продолжительном заселении готами Восточной Прибалтики.³ В прибалтийско-немецкой дворянской и латышской буржуазной историографии еще большее распространение имела «норманская теория»,⁴ по политической значимости представлявшая собой разновидность готской теории. Норманская теория своим острием была направлена не только против народов Восточной Прибалтики, но главным образом против русского народа. Согласно этой теории, народности Восточной Европы изображаются самыми дикими племенами,

---

¹ L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme. Die Ostgermanen. 2-te Aufl. München, 1934, S. 198 ff. Даже германские археологи отказываются от прежних взглядов о продолжительном пребывании готов в Восточной Прибалтике, но отстаивают тезис об их влиянии на культурное развитие латышских и эстонских племен, которое будто бы продолжалось до VI в. н. э. (С. Engel. Aus ostpreussischer Vorzeit. 1935, S. 90—92. — W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, 1929).

² Tallorahwa Postimees, 1858, № 30.

³ Н. М о о r a. .Pirmatnēja kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952.

⁴ А. Š v ā b e. Pagasta vēsture. I. Rīgā, 1926.

неспособными к самостоятельному культурному развитию. По этой теории, западные завоеватели принесли в Восточную Европу начала государственности и культуры. Несостоятельность с научной точки зрения «норманской теории» полностью разоблачена в трудах академика Б. Д. Грекова¹ и других советских ученых, поэтому считаю лишним в данном случае заниматься ее критикой.

Таким образом, прибалтийско-немецкая дворянская историография на всех этапах своего развития неизменно отрицала роль народных масс в истории, игнорировала изучение действительной истории латышского и эстонского народов. Некоторые публикации источников остаются единственным наследством, которым можно воспользоваться при объективном изучении и правдивом изображении истории Советских республик — Эстонии и Латвии.

3. Прибалтийские просветители XVIII в.

Прогрессивное направление в прибалтийско-немецкой историографии представлено сравнительно небольшой группой историков, главным образом выходцами из Германии. Но некоторые из них были местными уроженцами. Родоначальником этой группы историков является Иоганн Георг Эйзен (1717—1779), который пытался написать историю крепостного рабства в Восточной Прибалтике и дал описание удручающей картины крепостничества в Лифляндии около середины XVIII в.² Менее решитель-

¹ Б. Д. Греков. 1) Киевская Русь. М., 1953, стр. 561—566; 2) Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. I. М., 1953, стр. 27—54.

² J. G. Eisen. Eines liefländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Liefland über die Bauern eingeführt ist. Sammlung russischer Geschichte, von G. F. Müller, Bd. IX, 1764, SS. 491—527.

ными противниками крепостного права были Гейнрих Иоган Яннау (1752—1821)¹ и Карл Снель (1753—1826).²

Самым выдающимся представителем этой группы являлся Гарлиб Меркель (1769—1850). Г. Меркель, по-видимому, был знаком с книгой русского революционного демократа А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.). Сам Меркель называет своими учителями французских просветителей XVIII в. — Рейналя и Руссо, а также англичанина Юма. Гарлиб Меркель вырос в условиях крепостной деревни Лифляндии и был очевидцем ужасов помещичьего произвола. Он выступил пламенным борцом против крепостничества. В конце XVIII в. Меркель приобрел европейскую известность своим сочинением «Латыши, особливо в Лифляндии, на исходе философского столетия»,³ в котором дал уничтожающую критику крепостного права. Его книга воспринимается читателем в наши дни и воспринималась в конце XVIII в. как самый правдивый исторический документ. Можно оспаривать отдельные формулировки Меркеля, но его искренность и правдивость остаются вне всяких подозрений. Публицистическая деятельность Гарлиба Меркеля всегда привлекала внимание латышских, русских и немецких исследователей.⁴ Борьба вокруг его имени

---

¹ H. J. v. J a n n a u. Geschichte der Slavery und Charakter der Bauern in Lief- und Ehistland. Ein Beytrag sur Verbesserung der Leibeigenschaft. Nebst der genauesten Beschreibung eines liefländischen Hakens. 1786.

² K. Ph. M. S n e l l. Beschreibung der russischen Provinzen an der Ostsee. . . Jena, 1794.

³ G. M e r k e l. Die Letten, vorzüglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Völker- und Menschenkunde. Leipzig, 1796.

⁴ H. D i e d e r i c h s. Garlieb Merkel als Bekämpfer der Leibeigenschaft und seine Vorgänger. Baltische Monatsschrift, Neue Folge, Bd. I, 1870, SS. 38—83. — G. S. v. B r a s c h. Beant-

продолжается вплоть до наших дней.¹ В данном случае нас интересует не литературная деятельность Г. Меркеля, а его влияние на развитие исторической науки в Восточной Прибалтике. В «Латышах...» Меркель дал изображение современного ему положения народных масс на исходе XVIII столетия и только лишь в отдельных местах (глава I) касается исторического прошлого латышского народа. В качестве историка Г. Меркель выступил со своими сочинениями «Древние времена Ливонии» (I и II тт., 1798—1799 гг.)² и «Свободные латыши и эсты» (1820 г.)³ Следуя лучшим традициям английских и французских историков-просветителей XVIII в., Г. Меркель ставил своей целью написать не историю королей и завоевателей, а историю народа, народных масс. Хотя он, подобно многим другим просветителям XVIII в., являлся сторонником теории просвещенного абсолютизма и придавал большое значение законодательной деятельности просвещенного монарха, но события французской буржуазной революции конца XVIII в. помогли ему более правильно оценить исключительную роль народных масс и революционной борьбы в истории. Изучая историю латышского народа, Гарлиб Меркель обратился к такому источнику исторического познания, как творчество самого народа — фольклор. Он записал сказания древних

---

wortung der Gegenfragen Herrn Merkels. Intell. Bl. d. Allg. Zeitg., 1798, № 21. — Н. Ф. Т и е б е. Lief- und Esthlands Ehrenrettung gegen die Herren Merkel und Petri. Halle, 1804.

¹ Garlibs Merklis. Latvieši, sevišķi Vidzemē, filosofiskā gadsimtena beigās. Rīgā, 1953.

² G. Merkel. Die Vorzeit Lieflands. Ein Denkmal des Pfaffen- und Rittergeistes. Berlin, 1798—1799.

³ G. Merkel. Die freien Letten und Esthen. Eine Erinnerungsschrift zu dem am 6. Januar 1820 in Riga gefeierten Freiheitsfeste. Leipzig, 1820.

ликов и в 1802 г. опубликовал «Ванем Иманта»,¹ в котором прославлял борьбу народных масс против поработителей. Следует также отметить, что в своих исторических сочинениях Гарлиб Меркель одним из первых указывал на веками сложившиеся исторические связи народов Восточной Прибалтики с русским народом и Россией. Он является одним из первых прибалтийских историков, который отрицательно отнесся к германской феодальной агрессии XIII в. и оценивал как положительный исторический факт разгром и уничтожение Ливонского ордена Русским государством в XVI в.

Столь же положительным фактом считал Меркель и присоединение Восточной Прибалтики к России.

И. Петри (1762—1854) дополнил сочинения Г. Меркеля описанием крепостного рабства эстонских крестьян.² Петри выступил острым критиком крепостничества в Эстляндии накануне безземельного освобождения крестьян. Он называет крестьян и помещиков «борющимися между собой классами», но не понимает настоящего значения классовой борьбы в истории и поэтому допускает возможность мирного перехода к капиталистическому способу производства.

Еще раньше Меркеля латышскими народными песнями заинтересовался известный немецкий мыслитель Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803). В общем ходе всемирной истории Гердер находит место также для прибалтийских народов, к которым он относит финские народности, латышей и древних пруссов.³ По оценке Гердера, «судьба народов на побережье Балтийского моря состав-

¹ G. M e r k e l. Wannem Ymanta, eine lettische Sage. Leipzig, 1802.

² J. Chr. P e t r i. Esthland und die Esthen, oder historisch-geographisch-statistisches Gemälde von Esthland. Gotha, 1802.

³ J. G. H e r d e r. Ideen sur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Ausgewählte Werke, Bd. VI, S. 100—101.

ляет печальную страницу в истории человечества». Они подверглись или истреблению, или оказались прижатыми к самому Балтийскому морю и там остановились, потому что дальше уже им податься было некуда. «Человечество ужаснется той крови, которая пролилась здесь в диких войнах, продолжавшихся до тех пор, пока древние пруссы не были почти целиком истреблены, а курши и латыши обращены в рабство. . .». Гердер находит, что весь смысл прибалтийской истории заключается в том, что немецкие феодалы-завоеватели, утопая в «рыцарской роскоши и распутстве», господствовали от Вислы до Западной Двины и до Невы. Во всех этих местах, по словам Гердера, о немецких феодалах сложилось мнение, что покоренная страна едва ли может быть управляема более жестоким способом, чем они управляли балтийским побережьем.

Позднейшая прибалтийско-немецкая и латышская буржуазная историография отказалась от идей буржуазных просветителей XVIII в. Концепция Меркеля и других просветителей была объявлена «неисторичной». Подобное обвинение является совершенно необоснованным, так как именно эти просветители положили начало научному построению аграрной и политической истории Прибалтики. Они первые пытались написать историю прибалтийских народов, показав их многовековые связи с русским и другими народами Восточной Европы. Продолжателями их традиций были прогрессивные русские, латышские и эстонские историки 60-х годов XIX в.

4. Русские революционные демократы и их влияние на прогрессивную эстонскую и латышскую интеллигенцию

В 40-х и 50-х годах XIX в. усилилось крестьянское движение в прибалтийских губерниях. Крестьянские волнения 40-х годов были предметом исследования Я. Кродз-

ниек¹ и Х. Круса.² По своим политическим последствиям выделяется так называемая «война в Махтра» 1858 г. При столкновении с отрядом царских войск восставшие эстонские крестьяне одержали победу — обратили в бегство солдат и сожгли имение. События в Махтра вызвали переполох среди прибалтийских помещиков и привлекли к себе внимание широкой русской общественности. Русские революционные демократы рассматривали аграрную революцию в прибалтийских губерниях и общее восстание русских крепостных крестьян как решающее условие победы над самодержавием. В издаваемом А. И. Герценом «Колоколе», органе русских революционных демократов, в 1858—1863 гг. появился ряд статей и писем, посвященных аграрному вопросу и его истории в прибалтийских губерниях. Историки Советской Эстонии (Ю. Ю. Кахк, А. Любарский и В. Я. Миллер)³ доказали, что существовала непосредственная связь между русскими революционными демократами и эстонской прогрессивной интеллигенцией. Служивший в Эстляндском губернском правлении чиновник Н. Ф. Руссов, возможно, был автором статьи «Германские рыцари XIX столетия в Эстляндии», опубликованной в «Колоколе» 1 декабря 1858 г. Давно известно имя латышского революционера Петера Балода (1839—1918), сотрудничавшего с Д. И. Писаревым, Н. Г. Чернышевским и другими русскими революционными демократами.

¹ J. K r o d z n i e k s. Zemnieku nemieri 1841. g. Rīgā, 1922.

² H. K r u u s. Talurahva käärimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail. Tartu, 1930.

³ Ю. Ю. К а х к. «Колокол» Герцена и крестьянское движение в Эстонии накануне и во время революционной ситуации 1859—1861 годов. Изв. Акад. наук Эстонск. ССР, 1953, № 3, стр. 451—462. — В. Я. М и л л е р. О связях А. И. Герцена с прогрессивной интеллигенцией Таллина. Изв. Акад. наук Эстонск. ССР, 1954, № 2, стр. 281—297.

✓ В кругу русских революционных демократов в 50-х годах высоко оценивали литературную деятельность Гарлиба Меркеля, который «возбудил в литературе живое участие к вопросу об уничтожении крепостного права». Заслугой Г. Меркеля они считали то, что, «изучив на месте быт несчастных латышей, он отправился в Германию и там напечатал замечательное сочинение, в котором ярко выставил вредное влияние и жалкие последствия крепостной зависимости и в то же время разобрал постановление лифляндского ландтага 1765 года, указавшего только полумеры, которые не в состоянии были обеспечить благосостояние крестьян. Сочинение это произвело глубокое впечатление в Германии».¹

Революционные демократы считали, что сочинения Меркеля сыграли значительную роль в деле подготовки освобождения крестьян: «Сочинения его об остзейских крестьянах, живо представлявшие несчастное положение их и убедительно высказывавшие новые еще в то время мнения о способах улучшения крестьянского быта, много содействовали к распространению по этому предмету более справедливых понятий».²

Революционные выступления латышского крестьянства представлялись Г. Меркелю как один из возможных, но отнюдь не единственный путь ликвидации крепостничества. Для русских же революционных демократов идея народной революции является основой их исторической концепции. В их представлении латышские и эстонские крестьяне являлись одним из отрядов многомиллионного русского крестьянства, которое в результате народной революции или всеобщего восстания свергнет самодержавие и господство помещиков. Особенно последова-

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. V, стр. 918.

² Там же, стр. 807.

тельно проводил идею крестьянской революции Н. Г. Чернышевский, вождь и идейный вдохновитель революционно-демократического движения 60-х годов XIX в. Возможность освобождения крестьянства и всех трудящихся народных масс он связывал с переходом государственной власти в руки самого народа.

Органом прогрессивной прибалтийской интеллигенции, поддерживавшей связи с русскими революционными демократами, в 1860 г. стала ежедневная газета «Revalsche Zeitung», которая выходила в Таллине под редакцией Н. Ф. Руссова. К этому же кругу прогрессивной интеллигенции принадлежал автор анонимно изданной книги «Эстонец и его господин» (1861 г.), горячо выступивший в защиту эстонского крестьянства и резко критиковавший аграрные отношения в Прибалтике. Как предполагают, автором ее является В. Г. Благовещенский, много лет работавший в прибалтийских губерниях учителем русского языка, а потом в качестве цензора.

Антикрепостнические выступления прибалтийских крестьян были известны и латышским и эстонским буржуазно-националистическим историкам, но они исходили из неправильной исторической концепции и отрицали общность исторических судеб прибалтийских и русского народов. Они отрицали связь между борьбой русского и прибалтийского крестьянства. Они полностью игнорировали также влияние русских революционных демократов на передовую интеллигенцию латышского и эстонского народов. В результате этого буржуазные историки дали неправильную трактовку как характера, так и результатов борьбы прибалтийского крестьянства в XIX в. за личную свободу и землю. Советские историки показали, что крестьянское движение в прибалтийских губерниях 50-х и 60-х годов XIX в. было составной частью всероссийской революционной ситуации. Они всесторонне

и глубоко раскрыли историческое значение, например, восстания эстонских крестьян в 1858 г. — «войны в Махтра». Царизм должен был под напором борьбы народных масс всей России встать на путь буржуазных реформ. Борьба эстонских и латышских крестьян не привела бы к буржуазным реформам 60—70-х годов в прибалтийских губерниях, если бы их в этой борьбе не поддержало многомиллионное русское крестьянство. Именно к таким выводам пришел молодой эстонский историк Ю. Ю. Кахк в своем монографическом исследовании «Крестьянское движение 1858 года в Эстонии» («Война в Махтра»). Царское правительство, которое еще в 1856—1857 гг. явно симпатизировало аграрной политике прибалтийского дворянства, вынуждено было отказаться после крестьянской войны 1858 г. в Махтра от перенесения прибалтийского «опыта» на русские губернии.¹

5. Латышская и эстонская буржуазная историческая мысль в XIX—XX вв.

Вплоть до середины XIX в. понятие латышского и эстонского народов совпадало с понятием прибалтийского крестьянства. Хотя в городах Восточной Прибалтики на протяжении всего средневековья существовала значительная прослойка латышских и эстонских городских жителей, но это городское плебейство по условиям своей жизни было оторвано от классовой борьбы в деревне. Разбогатевшие горожане из эстов и латышей, как правило, вскоре онемечивались. Правда, в XVIII в. группа рижской латышской буржуазии, возглавляемая Штейн-

¹ Ю. Ю. Кахк. 1) Крестьянское движение 1858 года в Эстонии («Война в Махтра»). Автореферат. канд. дисс. Л., 1954; 2) Страницы истории. Советская Эстония, 26 окт. 1954.

гауэром, начала борьбу за свои права.¹ По поручению Штейнгауэра и на его средства был составлен сборник исторических документов о правах рижских латышей, известный под названием Кодекса Замовского («Corpus privilegiorum indigenorum Rigensium. . .»),² но только лишь после освобождения прибалтийских крестьян создались более благоприятные условия для развития латышской и эстонской сельской и городской буржуазии. Правовое положение этой буржуазии определялось реформами 60-х и 70-х годов XIX в. К этому времени и завершается процесс складывания латышской и эстонской буржуазных наций. В составе каждой буржуазной нации основными классами являются буржуазия и пролетариат. В исторических условиях Восточной Прибалтики крестьянство продолжало существовать, но подвергалось усиленному процессу социальной дифференциации. Разбогатевшая верхушка деревни пополняла ряды национальной буржуазии, а все более разоряющиеся массы крестьянства стали основным источником формирования рабочего класса.

Латышская и эстонская буржуазная интеллигенция выступала от имени всего народа, хотя действительные интересы народных масс, рабочих и крестьян она выражала лишь в ограниченных пределах, поскольку руководила борьбой народных масс против пережитков фео-

---

¹ J. Straubergs. Rīgas latviešu pirmās nacionālās cīņas 18 g. s. Rīgā, 1936.

² Corpus privilegiorum indigenorum Rigensium. Diplomatisches Corpus von denen Vorzügen, Privilegien, Freiheiten, Gerechtigkeiten u. Gewohnheiten derer Einheimischen u. deren Aemter zu Riga in Liefland. . . aus denen öffentlichen Archiven u. Actis publicis hervorgezogen. . . von Samowsky. (Рукопись хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

дализма и национального гнета со стороны немецкого дворянства и буржуазии. Буржуазная интеллигенция переставала играть прогрессивную роль во всех тех случаях, когда выступала в защиту узкоклассовых, т. е. эксплуататорских интересов своей национальной буржуазии. Соответствующее общественно-политическое направление в Эстонии возглавлялось группой «петербургских патриотов», во главе с известным художником И. Келером. Наиболее выдающиеся представители буржуазно-демократического направления Ф. Р. Крейцвальд и К. Р. Якобсон в Эстонии, Х. Вальдемар, Кришьян Барон и Ю. Аллуан в Латвии приобрели большую популярность в народных массах потому, что они смело выступали против привилегий прибалтийских помещиков и лютеранских пасторов.

Руководители буржуазно-национального движения создали свою историческую концепцию, примкнув к историческим взглядам Г. Меркеля. Но, в отличие от русских революционных демократов, которые в сочинениях Г. Меркеля улавливали отзвуки французской революции конца XVIII в., младолатыши воздерживались от революционной пропаганды в народных массах и разделяли мнение Г. Меркеля о возможности и другого пути разрешения аграрного вопроса, т. е. проведения буржуазных реформ в порядке законодательной деятельности царского правительства.

Историческую концепцию младолатышей и эстонских буржуазных демократов можно назвать антифеодальной и при тогдашних политических условиях прогрессивной.

Основные ее положения сводились к следующему:

1) в противовес взглядам прибалтийско-немецкой историографии эти демократы считали, что эсты и латыши до XIII в. были свободными народами, находившимися на сравнительно высоком культурном уровне;

2) в противовес «культуртрегерской» теории, распространенной в прибалтийско-немецкой историографии, они доказывали, что немецкие крестоносцы и феодалы, завоевавшие Восточную Прибалтику в XIII в., не принесли местным народностям никакой культуры, а только лишь тяжелое рабство;

3) они указывали далее, что прибалтийским народам в их борьбе против немецких завоевателей, как в XIII в., так и позднее, оказывал помощь русский народ, однако, правильно указывая на совместную борьбу и исторические связи прибалтийских народов и русского народа, младолатыши и эстонские демократы допускали грубую ошибку, нередко отождествляя русский народ с царизмом.¹

Местные прибалтийские архивы тогда находились в руках немецких дворянских историков, и для младолатышей доступ к ним был закрыт. В обоснование своих исторических положений латышские и эстонские буржуазные историки вынуждены были пользоваться публикациями документов, подготовленных их противниками — немецкими историками. Этим объясняется часто недостаточная научная аргументация отдельных положений латышских и эстонских историков второй половины XIX в. Зато они широко пользовались народным творчеством — эстонским и латышским фольклором, т. е. пошли по пути, указанному еще И. Г. Гердером и Г. Меркелем. Представители эстонского национального движения — Ф. Р. Фельдман (1798—1850) и Ф. Р. Крейцвальд (1803—1882) — производили записи эстонского фольклора. Ф. Р. Крейцвальд творчески переработал эстонский народный эпос «Калевипоэг» и развивал в нем исторические взгляды,

¹ «Memorandum» X. Вальдемара (A. A l t e m e n t s. Dokumenti par tautas atmodas laikmetu 1856—1867, g. Rīgā, 1939, pp. 156—223).

55-16.448
согласно которым эстонцы вели героическую борьбу с немецкими рыцарями, поддерживая тесные дружеские связи со своими восточными соседями — русскими. В истории латышской культуры прославился Кришьян Барон (1835—1923), который работал над подготовкой к изданию огромного по размерам собрания латышских народных песен.¹ Народное творчество служило источником вдохновения для лучших поэтов латышского национального движения — Юрия Аллунана, Аусеклиса, Андрея Пумпура и других, часто увлекавшихся историческими сюжетами.

На отдельных этапах борьбы союзниками младолатышей являлись русские славянофилы. Примыкавший к славянофилам Ю. Ф. Самарин, несмотря на свои политические взгляды, типичные для русского либерального дворянства, выступал с критикой безземельного освобождения крестьян в прибалтийских губерниях и настаивал на упразднении особых привилегий прибалтийских помещиков. В своих исторических работах по истории города Риги и по аграрной истории Прибалтики Ю. Ф. Самарин² подвергал острой критике прибалтийский вариант развития феодализма и крепостничества. На этой почве он оказался естественным союзником младолатышей.

Отрыв младолатышей от русских революционных демократов и их поиски союзников среди представителей русских реакционных общественных течений показывают буржуазно ограниченный характер латышского национального движения, лидеры которого обнаруживали свое недоверие революционной энергии народных масс.

---

¹ Кр. Баронс и Н. Виссендорфс. *Latvju dainas*. I—VI (8 sējumi). Jelgavā—Pēterburgā, 1898—1915.

² Ю. Самарин. 1) *Окраины России*, вып. I—II. Прага, 1868; 2) *Соч.*, т. 7 (*Письма из Риги и История Риги*), М., 1889.

Самым выдающимся представителем латышской буржуазной историографии этого периода является Я. Кродзник (1851—1924). В 70-х годах в Москве он сблизился с младолатышами К. Вальдемаром и Ф. Бривземниек. Находясь под их прямым влиянием, он начал заниматься историей Латвии.¹ По своим историческим взглядам Я. Кродзник является эпигоном младолатышского движения. Он выступил со своими историческими сочинениями слишком поздно, когда историческая концепция младолатышей перестала удовлетворять латышскую буржуазию, к этому времени окончательно перешедшую в лагерь реакции. В то же время сочинения Я. Кродзника не могли полностью удовлетворить и запросы прогрессивной латышской интеллигенции, с марксистских позиций вступившей в борьбу с реакционной буржуазной идеологией.

Прогрессивный характер буржуазно-национального движения оказался кратковременным историческим явлением. В начальный период рабочего движения (80—90-е годы XIX в.) латышская и эстонская буржуазия стала искать сближения и взаимного понимания с реакционными кругами немецкого дворянства и духовенства. Историческая концепция младолатышей и эстонских демократов подверглась коренному пересмотру.

В Эстонии антифеодальная историческая концепция Крейцвальда—Якобсона подверглась нападкам со стороны лидера консервативно-клерикального направления Якоба Хурта (1839—1906),² который выступил против острой критики феодальной системы и утверждал, что

---

¹ J. Krodznieks. Raksti. (Iz Baltijas vēstures). I—III. Rīgā, 1912—1914.

² К. В. Лайгна. Развитие эстонской исторической мысли до 1917 г. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1952.

христианская церковь якобы защищала крестьян от эксплуатации. Он отрицал классовую борьбу в истории эстонского народа и совершенно замалчивал крупнейшую крестьянскую войну в Восточной Прибалтике (восстание эстонских крестьян в 1343—1345 гг.). В своих работах он полностью игнорировал русские летописи, хотя они являются одним из основных источников по истории Восточной Прибалтики. Он некритически воспринял основные положения прибалтийско-немецкой дворянской историографии. В изображении Хурта эстонский народ не является активным творцом или субъектом исторического процесса, а лишь пассивным объектом политики разных завоевателей.

К началу XX в. самым видным представителем эстонской буржуазной историографии считался Виллем Рейман (1861—1917). Он также прославлял «культуртрегерскую миссию» немецких завоевателей и церкви. Он принял и другие положения реакционной прибалтийско-немецкой историографии. В 1903—1906 гг. Рейман написал сжатый очерк истории Эстонии, который был опубликован в виде отдельных глав «Всеобщей истории» финского историка Линдеквиста, переведенной на эстонский язык.¹ В 1920 г. этот очерк был опубликован самостоятельной книгой и некоторое время служил даже в качестве учебника по истории Эстонии. Таким образом реакционная историческая концепция Реймана получила официальное признание в буржуазной Эстонии.

В латышской историографии подобные реакционно-клерикальные исторические концепции пропагандировались в некоторых изданиях, редактируемых немецкими пасторами, а в начале XX в. также реакционными латышскими публицистами — А. Ниедра и Фр. Вейнбергом.

---

¹ Там же.

В XX в. эстонская и латышская буржуазная историография, представленная до 1917 г. главным образом газетными и журнальными статьями, пропагандировала следующие основные положения.

1. Идею единства нации и отсутствия классовой борьбы в истории, но в то же самое время эта единая нация изображалась как аморфная и пассивная масса, служившая лишь объектом политического воздействия со стороны завоевателей, королей, законодателей.

2. До 1917 г. латышские и эстонские буржуазные националисты ориентировались на политику сотрудничества с русской буржуазией и царизмом, но после победы пролетарской революции в России общепризнанной стала «западная ориентация», согласно которой прибалтийские народы принадлежат к западноевропейскому кругу цивилизации. В историографическом разрезе западная ориентация означала признание культуртрегерской роли норманских и германских завоевателей, оправдание политики закрепощения народных масс, проводившейся в прошлом прибалтийско-немецкими феодалами и помещиками.

3. «Западная ориентация» латышских и эстонских буржуазных историков после 1917 г. проявлялась также в игнорировании или неправильной оценке истории русско-эстонских и русско-латышских отношений; нередко буржуазные историки занимались неприкрытой антирусской пропагандой, имеющей своей целью восстановить прибалтийские народы против русского народа и СССР. В частности, совершенно умалчивалось о многовековой совместной борьбе народных масс Восточной Прибалтики и русского народа против иноземных захватчиков и поработителей, против гнета крепостничества и царского самодержавия.

4. В методологическом отношении латышские и эстонские буржуазные историки придерживались идей неокан-

тианства. Особенно пропагандировалось учение Гейнриха Риккерта о трансцендентном идеализме. Представление об истории как иррациональном процессе, отрицание законов истории и сведение исторических фактов к индивидуальным, никогда неповторяющимся явлениям не оставляет места для роли народных масс в истории. Как известно, сам Риккерт воздерживался от выдвижения критерия для оценки индивидуальных исторических явлений и фактов. В этом вопросе латышские и эстонские буржуазные историки дополнили Риккерта, объявив принцип национализма высшим критерием для историка.

В буржуазной Эстонии ряд историков (Х. Круус, И. Васар, Х. Сепп, П. Иогансен, К. Улуоте, О. Лиив) приобрели известность главным образом трудами, посвященными истории аграрных отношений. Больше всего было сделано для изучения так называемого шведского периода (вторая половина XVI и XVII в.).

Наиболее видные историки в буржуазной Латвии — А. Швабе, Ф. Балод и А. Тентелис. Последний занимался больше всего вопросами методологии и философии истории. Ф. Балод считался авторитетом в вопросах археологии. Вопросами социальной и политической истории, а также истории права, преимущественно феодального периода, занимался А. Швабе. К интересующему нас вопросу о роли народных масс в истории Латвии А. Швабе подходит ближе всего в своих ранних исторических работах, посвященных истории культуры и истории аграрных отношений.¹ Провозгласив национализм выс-

---

¹ A. Schwabe. Grundriss der Agrargeschichte Lettlands. Riga, 1928. — A. Švābe. 1) Latvju kultūras vēsture, I, II. Rīgā, 1921—1922; 2) Pagasta vēsture, I. Rīgā, 1926; 3) Zemes attiecību un zemes reformu vēsture Latvijā. (Krājumā «Latvijas agrārā reforma»). Rīgā, 1930.

шим критерием для оценки исторических фактов и явлений, А. Швабе в принципе признает необходимым исследование истории народных масс, истории пролетариата и крестьянства. Однако Швабе так и ограничился словесной декларацией и ничего не сделал для изучения истории латышского пролетариата и безземельного крестьянства. В его изложении аграрная история Латвии сводится к описанию исторических судеб верхней прослойки крестьянства — дворохозяев, небольшой группы лично свободных крестьян и мелких орденских вассалов. А. Швабе совершенно порвал с исторической традицией Гарлиба Меркеля, русских революционных демократов и младолатышей. Он ставит им в упрек, что они слишком много внимания уделяли порабощению народных масс и другим отрицательным явлениям в истории латышского народа. Он считает вредным для национальных интересов латышской буржуазии заниматься изучением истории многовекового порабощения и угнетения латышского народа иноземными завоевателями. В этих целях А. Швабе находил возможным явно приукрашивать положение латышского крестьянства в период господства Ливонского ордена — XIII—XVI вв., а шведских завоевателей (XVII в.) он прославлял как носителей новой высшей культуры. Подобно другим историкам буржуазной Латвии А. Швабе не жалел мрачных красок для изображения исторических судеб латышского народа после присоединения к России. В своих исторических исследованиях А. Швабе пытается доказать, что цивилизация (религия и правовые понятия) связывают историю Латвии и латышского народа с Западной Европой.

Из вышесказанного вытекает, что советские историки, занимающиеся изучением истории прибалтийских народов, мало ценного могут отыскать в наследстве, оставлен-

ном буржуазными историками. Творческая роль народных масс в истории по существу оставалась вне поля зрения последнего поколения буржуазных историков и никогда не являлась для них объектом серьезных научных исследований. Положительной стороной деятельности буржуазных историков Латвии и Эстонии последнего периода является подготовка ряда публикаций источников эпохи феодализма, особенно по аграрной истории. Но, наряду с этим, следует отметить, что в буржуазной Латвии было очень мало сделано по изучению архивных фондов.

6. Марксистская историография в Прибалтике до 1917 г.

Качественно новое и более глубокое изучение истории прибалтийских народов начинается еще в 90-х годах прошлого столетия. В прибалтийских губерниях окрепло рабочее движение. Вместе с тем началось распространение учения марксизма. Уже первые исследователи, применяя метод исторического материализма, сумели раскрыть основную закономерность исторического развития прибалтийских народов. Попытка подобного рода принадлежит Фр. Розину-Азису (1870—1919), одному из основателей социал-демократической рабочей партии Латышского края.

Он написал книгу «Латышский крестьянин»,¹ находясь в эмиграции в Швейцарии, вдали от прибалтий-

---

¹ Fr. Rozinš. Latviešu zemnieks. Kulturvēsturiska un tautsaimnieciska studija. Bernē, 1904. — Ф. Розин-Азис. Страница из истории крестьянства. Историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике. Со вступит. статьей П. Стучки. Пер., прим. и пред. к русскому изданию А. Я. Клявс-Клявина. Л., 1925.

ских архивов и библиотек. Книга была издана партийным издательством в целях борьбы с прибалтийско-немецкой дворянской и латышской буржуазно-националистической историографией и ее влиянием на народные массы. Несмотря на пропагандистский характер издания, автор «Латышского крестьянина» поставил ряд глубоко научных проблем, требующих кропотливой и продолжительной исследовательской работы. Розин-Азис, как я сказал, писал книгу в чрезвычайно неблагоприятных условиях и, естественно, не сумел дать на все поставленные вопросы вполне удовлетворительного ответа. В ряде случаев намеченные Розин-Азисом проблемы исследования были разработаны лишь позднее, много лет спустя, советскими историками. Но в других случаях автор, по моему мнению, удовлетворительно справился со своей задачей. Например, немецкие дворянские историки, а с ними заодно латышские буржуазные историки, без какого-либо доказательства считали какой-то расовой особенностью или национальным признаком латышского народа крайний индивидуализм. При помощи этой теории о латышском индивидуализме объясняли отсутствие в аграрной истории Латвии сел и деревень, а также отсутствие общинного землевладения как одной из исторических форм аграрных отношений. Фр. Розин первый указал на то, что на основании имеющихся источников на территории Латвии можно проследить существование сел и деревень вплоть до XV в., когда они исчезают под влиянием всеобщего закрепощения крестьянства. Розин-Азис также высказал гипотезу, что древнелатышский пагаст по своему историческому значению соответствует древнегерманской марке и славянской общине. Нам думается, что в данном вопросе Фр. Розин-Азис стоял на более верном пути исследования, нежели А. Швабе, который, вслед за финским историком А. Кор-

хоненом,¹ пытается доказать скандинавское происхождение латышского пагаста.² В противовес распространенной в прибалтийско-немецкой историографии теории об исконной дикости прибалтийских народов, Розин-Азис выдвинул правильное положение о том, что до прихода германских феодалов-завоевателей латыши и ливы знали развитое земледелие и скотоводство, которые по своему уровню развития были не ниже обычного для того времени. Розин-Азис правильно указывал, что прибалтийские народы имели торговые связи со славянами, шведами и датчанами, о чем говорят многочисленные археологические находки, в частности клады западноевропейских и восточных монет. В свете позднейших изысканий советских историков правильной оказалась также гипотеза Розина-Азиса о том, что до появления германских завоевателей прибалтийские народы вступили уже на путь развития феодализма.

Попутно следует отметить, что Фр. Розин-Азис по ряду вопросов является продолжателем исторических традиций Г. Меркеля, И. Петри и других немецких просветителей конца XVIII и начала XIX в. Таким образом, намечается прямая историческая преемственность между прибалтийско-немецкими просветителями, прогрессивной латышской и эстонской историографией 60-х годов и первой попыткой построения марксистской концепции аграрной истории Латвии.

Революция 1905—1907 гг. пробудила широкие народные массы, которые принимали самое активное участие в политической борьбе против царизма и классового господства помещиков. Революционные события показали, что именно народ, массы трудящегося народа являются

¹ A. Korhonen. Vakkalaitos. Helsinki, 1923.

² A. Schwabe. Grundriss der Agrargeschichte. Riga, 1928, S. 8.

подлинными творцами исторического процесса. Под влиянием революционных событий 1905 г. даже буржуазные историки вынуждены были по-новому оценивать историческое значение классовой борьбы пролетариата и крестьянства. С другой стороны, самые широкие трудовые массы проявляли повышенный интерес к истории своей родины, к прошлому своего народа. Под непосредственным впечатлением событий революции 1905 г. К. Ландер написал «Историю Латвии»,¹ охватывающую историю латышского народа с древнейших времен до начала XX в. Автор является первым латышским историком, который пытается дать описание основных этапов социального, политического и культурного развития латышского народа. Автор, являясь активным участником политической борьбы того времени, не имел возможности заниматься архивными исследованиями, а ограничивался использованием опубликованных до него источников. Отсутствие данных часто мешает К. Ландеру, как и до него Фр. Розину, более конкретно осветить роль крестьянства и трудящихся масс города в политической истории страны. Отсутствие конкретного исторического материала и некоторый схематизм являются существенным недостатком ряда разделов книг Фр. Розина-Азиса и К. Ландера.

К. Ландер — первый латышский историк, пользовавшийся широкой известностью за пределами Латвии. Он опубликовал ряд статей, посвященных истории Латвии, как в русских периодических изданиях, так и коллективной многотомной «Истории России в XIX веке» (издательство Гранат). В научном отношении наиболее

---

¹ К. L a n d e r s. 1) Latvijas vēsture. Kulturvēsturiski apcerējumi. I—III. Pēterburgā, 1908—1909. 2) К. Л а н д е р. Очерки по истории латышского народа. Русская мысль, 1906.

ценными являются его статьи, посвященные аграрной истории Прибалтийского края в XIX веке.¹

В освещении аграрной истории Эстонии большие заслуги имеет Виллем Бук (1879—1941). Подобно Фр. Розину-Азису, он изучал аграрную историю Эстонии, обращая главное внимание на процесс развития капитализма в земледелии. В методологическом отношении В. Бук опирается на классический труд Ленина «Развитие капитализма в России». Аграрный вопрос, по мнению Бука,² есть вопрос освобождения народа. Он показывает, что развитие капитализма в деревне сопровождается усилением дифференциации крестьянства и пролетаризацией основной массы его. В качестве союзника крестьянства пролетариат становится силой, «которая откроет двери в новый мир и проложит дорогу в будущее».³

Виднейший коммунист Эстонии Виктор Кингисепп (1888—1922) в своих исторических сочинениях дал подробный анализ вопросов, связанных с революцией 1905—1907 гг. и новым подъемом рабочего движения в 1912—1914 гг. в Эстонии. Он является пионером в разработке истории эстонского рабочего движения. Кингисепп рассматривает классовую борьбу пролетариата Эстонии как составную часть всероссийского рабочего движения.⁴

---

¹ К. Л а н д е р. 1) Прибалтийский край в первой половине XIX в.; Город и городское самоуправление в Прибалтийском крае; Крестьянский вопрос в Прибалтийском крае во второй половине XIX века. История России в XIX в. под ред. М. Н. Покровского. Изд. Гранат, тт. II, IV, V; 2) Крестьянское движение в Прибалтийском крае. (См.: П. М а с л о в. Аграрный вопрос в России, т. II, Приложение. Петербург, 1908).

² К. В. Л а й г н а. Развитие эстонской исторической мысли до 1917 г. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1952, стр. 16—18.

³ Там же.

⁴ Там же.

Ввиду необходимости краткого изложения я этим заканчиваю анализ развития марксистской исторической мысли в Прибалтике накануне победы Октябрьской социалистической революции.

7. Советская историография

В 1940 г. была восстановлена советская власть в Латвии и Эстонии. Однако планомерная систематическая работа советских историков над историческими проблемами Восточной Прибалтики начинается лишь после изгнания гитлеровских оккупантов. Таким образом, работа советских историков в этой области продолжается немногим более десяти лет.

Организация исследовательской работы в области истории прибалтийских народов ведется под руководством институтов истории, которые имеются в составе как Академии наук Латвийской ССР, так и Академии наук Эстонской ССР. Кроме того, научно-исследовательская работа по истории прибалтийских народов ведется кафедрами истории Латвийского и Тартуского (Эстонская ССР) Государственных университетов.

Несколько слов о кадрах. К советским историкам принадлежит значительная часть историков, работавших до этого в буржуазной Латвии и Эстонии: Р. Ю. Вишпер, М. Степерман, Т. Зейд, Б. Брежго, Г. Енш — в Советской Латвии, Х. Круус, И. Васар, Л. Лооне, археолог Х. Моора — в Советской Эстонии. К ним присоединилась группа латышских и эстонских историков, до восстановления советской власти в Прибалтике работавшая в СССР: Я. Зутис, Я. Крастынь, Г. Мосберг и др. В первые же годы существования советской власти было обращено внимание на подготовку новых кадров, и многие из молодых историков, заслуживших ученую степень

кандидата исторических наук после 1945 г., в настоящее время уже известны в историографии прибалтийских народов своими трудами: Г. Наан, В. Маамяги, А. Дризул, Ю. Кахк и др.

Усилиями советских историков Прибалтики созданы коллективные труды обобщающего характера: «История Латвийской ССР», тт. I и II и «История Эстонской ССР». В относительно короткие сроки была выполнена работа, с которой историки не смогли справиться за 20 лет существования буржуазных Латвии и Эстонии.

Советские историки выработали марксистскую концепцию истории прибалтийских народов. В наших исследованиях латышский и эстонский народы, трудящиеся массы Прибалтики рассматриваются как субъект исторического развития. Соответственно этому в трудах советских историков основное внимание уделяется жизненным условиям и правовому положению крестьянства в средние века, рабочему классу и крестьянству — в новое время. На всех этапах развития общества, как феодального, так и капиталистического, тщательно изучается классовая борьба трудящихся масс против эксплуататоров. Уделяется внимание также изучению материальной и духовной культуры народных масс. Основным источником для изучения народной культуры в средние века является фольклор. Исследования показывают, что народная культура существенным образом отличается от культуры господствующего класса — феодалов.

Советские историки Прибалтики для построения совершенно новой научной концепции прибалтийских народов не могут ограничиваться тем конкретным историческим материалом, историческими фактами, которые были введены в научный обиход дворянскими и буржуазными историками. Для разрешения ряда исторических проблем,

особенно начиная с периода XVI в., требуется кропотливая и планомерная работа по изучению архивных фондов. В последние годы велась напряженная работа в архивах Риги, Тарту, Таллина, Ленинграда, Москвы, Могилева, Минска, Вильнюса и других городов; повсюду выявляются новые материалы, многие из которых еще не были использованы исследователями.

Успешно ведется изучение аграрной истории и классово-борьбы крестьянства в феодальном обществе. По истории латышского крестьянства средних веков успешно работают Т. Зейд,¹ В. Дорошенко,² Д. Лиепиня,³ М. Степерман,⁴ Я. Зутис,⁵ Б. Брежго,⁶ М. Козин,⁷ Г. Строд⁸ и др.

¹ T. Zeīds. Feodalisms Livonijā. Rīgā, 1951.

² В. В. Дорошенко. Латышские племена в I тысячелетии нашей эры. Вопросы истории, 1952, № 9.

³ Д. Э. Лиепиня. Крестьяне рижского патримониального округа в XVI—XVII вв. Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

⁴ М. К. Степерман подготовил к печати обширную монографию «Крестьянские волнения в Лифляндии во второй половине XVIII в.».

⁵ J. Zūtiš: 1) Agrīe viduslaiki Latvijā (IX—XII gs.). Rīgā, 1948; 2) Vidzeme XVIII gadsimtenī. Rīgā, 1945; 3) Vidzeme kā poļu un zviedru cīņas objekts. Rīgā, 1949; 4) Krievu un Baltijas tautu cīņas pret vācu agresiju. Rīgā, 1948; 5) Livonijas karš (1558—1582). Rīgā, 1949; 6) Cīņa par agrarām reformām XIX gadsimta pirmā pusē. Rīgā, 1945; 7) Latvija kļaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802 gadā. Rīgā, 1953; 8) Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gadsimta sākumā (1804—1819). Rīgā, 1954.

⁶ Б. Р. Брежго. Борьба латгальских крестьян в феодально-крепостническое время. Изв. Акад. наук Латвийск. ССР, 1952, № 4.

⁷ М. И. Козин. Развитие аграрных отношений в Лифляндской губернии в 60-х годах XIX века. Автореферат канд. дисс. Рига, 1952.

⁸ Г. Строд. Курземские казенные имения в период разложения барщинного хозяйства в первой половине XIX века. Автореферат канд. дисс. Рига, 1953.

История пролетариата Латвии является предметом монографических исследований Я. Крастыня,¹ Б. Вилкс,² К. Каулыня³ и Т. Драудыня.⁴ По истории революции 1905—1907 гг. появились исследования П. Дауге,⁵ Я. Крастыня,⁶ Г. Мосберг,⁷ К. Каулыня.⁸ Годы нового революционного подъема (1912—1914) освещаются в кандидатских диссертациях И. Рутман⁹ и Е. Рипа,¹⁰ а также в работах Я. Крастыня и Е. Каулыня.

Историей Февральской революции 1917 г. и Великой Октябрьской социалистической революции на территории Латвии занимается ряд молодых историков: А. Зиле,¹¹

¹ J. K r a s t i ņ š. 1) Latvija straujas kapitalisma attīstības laikā un imperialisma laikmeta sākumā. Rīgā, 1948; 2) Latvija Stolipina reakcijas gados (1908—1912). Rīgā, 1949; 3) Latvija strādnieku kustības uzplūdu gados (1912—1914). Rīgā, 1949.

² Б. Я. В и л к с. Формирование промышленного пролетариата в Латвии во второй половине XIX века. Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

³ К. К а у л и ņ š. Latvijas darbaļaužu cīņas boļševiku vadībā par padomju varu. Rīgā, 1950.

⁴ Т. Д р а у д и ņ š. Rīgā — proletariata revolucionarās kustības centrs Latvijā. Literatura un Māksla, 1951, №№ 41—46.

⁵ Р. Д а у г е. 1905—1907 gada revolūcija Latvijā. Rīgā, 1949.

⁶ J. K r a s t i ņ š. 1905 gada revolūcija Latvijā (1905—1907). Rīgā, 1950. (На русском языке издана в Москве в 1952 г.).

⁷ Г. М о с б е р г. Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. Автореферат канд. дисс. М., 1953.

⁸ К. К а у л и ņ š. 1905 gada janvāra dienas Latvijā. Padomju Latvijas Boļševiks, 1946, № 1/2.

⁹ И. К. Р у т м а н. Борьба большевиков Латвии с ликвидаторством в годы нового революционного подъема (1912—1914). Автореферат канд. дисс. Рига, 1953.

¹⁰ Е. Р и п а. Рабочее движение в Риге в годы революционного подъема (1912—1914). Автореферат канд. дисс. М., 1953.

¹¹ А. Я. З и л е. Экономические мероприятия советского правительства Латвии в 1919 году. Автореферат канд. дисс. Рига, 1950.

Я. Пределе,¹ В. Штейнберг,² Т. Драудынъ.³ Крушение планов германского империализма о захвате и колонизации Восточной Прибалтики было темой кандидатских диссертаций А. Салминя⁴ и С. Граужиниса.⁵

Новой областью исследования, в которой советские историки не имеют себе предшественников, является послеоктябрьский период и история строительства социалистического общества. Но в отличие от истории других народов Советского Союза, прибалтийские народы в продолжение 20 лет находились под властью своей национальной буржуазии. Поэтому прибалтийские советские историки много внимания уделяют изучению борьбы трудящихся масс в буржуазной Латвии и Эстонии за восстановление советской власти. Я. Крастынь работает над темой — рабочее движение в буржуазной Латвии;⁶

¹ Я. П р е д е л е. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии. Автореферат канд. дисс. Рига, 1951.

² В. А. Ш т е й н б е р г. 1) Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии. Автореферат канд. дисс. Рига, 1951; 2) Революционное движение в Латвии в период первой мировой войны и Февральской революции (1914—март 1917 гг.). Краткий очерк. Рига, 1954.

³ Т. Д р а у д и њ š. 1917 gads Latvijā. Padomju Latvijas Skola, 1947, №№ 11, 12. — Т. Д р а у д ы н њ. О ликвидации помещичьего землевладения в Латвии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Изв. Акад. наук Латвийск. ССР, 1953, № 11. — Т. Д р а у д и њ š. 1918 gads Latvijā. Padomju Latvijas Skola, 1948, № 8.

⁴ А. Я. С а л м и н њ. Крушение колонизаторских планов германского империализма в Латвии в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Автореферат канд. дисс. Рига, 1952.

⁵ С. К. Г р а у ж и н и с. Агрессия империалистов США и западноевропейских государств в Латвии (1918—1920). Автореферат канд. дисс. Рига, 1953.

⁶ J. K r a s t i њ š. 1) Latvija buržuaziskās republikas laikā.

по этой же теме А. Спреслис и А. Дризул опубликовали ряд статей.¹ В Эстонии работает Ю. Тайгро над темой — борьба трудящихся Эстонии против интервентов в 1918—1920 гг. Борьбу трудящихся масс Латвии в период гражданской войны и интервенции освещает А. Лейт.²

Большое историческое значение имело вооруженное восстание эстонских рабочих, в 1924 г. выступивших за восстановление советской власти. Над этой темой работает И. Саат.³ Борьба латышского пролетариата в буржуазной Латвии была темой кандидатских диссертаций Ю. Спруж,⁴ К. Медведевой⁵ и других молодых историков.

Изучением исторического развития буржуазной Латвии, кроме историков, занимаются экономисты Ф. Деглав, Л. Стародубский,⁶ П. Дзерве,⁷ Р. Розе⁸ и другие. (1923—1934). Rīga, 1949; 2) *Latvija fašistiskās diktaturas laikā* (1934—1940). Rīgā, 1949.

¹ А. Спреслис и А. Дризул. Из истории рабочего движения в буржуазной Латвии. Большевик Советской Латвии 1951, № 14; 1952, №№ 8 и 9.

² А. Лейт. Агрессия империалистических держав в Латвии (1917—1920). Рига, 1952.

³ И. Саат. 1) Борьба эстонского народа под руководством КП(б) Эстонии за установление советской власти. Таллин, 1948; 2) Борьба коммунистов против буржуазно-националистических партий в Эстонии. Таллин, 1953.

⁴ Ю. Ю. Спруж. Борьба Коммунистического союза молодежи Латвии под руководством Коммунистической партии против диктатуры буржуазии в 1919—1929 гг. Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

⁵ К. М. Медведева. Борьба Коммунистической партии Латвии за создание и проведение единого фронта пролетариата против фашистской диктатуры (1934—1938). Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

⁶ Л. Стародубский. Упадок фабрично-заводской промышленности в буржуазной Латвии. Рига, 1952.

⁷ Р. D z ē r v e. 1929—1933 g. ekonomiskā krīze buržuaziskajā Latvijā un tās īpatnības. Rīgā, 1953.

⁸ Р. К. Розе. Реакционная роль кредитной и эмиссионной

Экономисты Советской Латвии и Эстонии пришли к выводам, что промышленность и сельское хозяйство в прибалтийских губерниях, являясь составной частью экономики царской России, достигли высокого уровня развития еще до 1914 г. После того как прибалтийские страны были оторваны от хозяйственной жизни Восточной Европы и включены в экономическую систему западного монополистического капитала, в экономике прибалтийских стран периода господства национальной буржуазии произошли важные структурные изменения и отмечается значительный упадок промышленного производства.

В своих исследованиях советские историки показали, что восстановление советской власти в 1940 г. было закономерным историческим процессом развития прибалтийских народов. В результате социалистической революции 1940 г. народы Прибалтики вступили на путь успешного строительства нового социалистического общества (А. Дризул,¹ В. Маамяги²). Героическая борьба народных масс Латвии против гитлеровских оккупантов освещается в работах В. Самсона,³ Р. Тизенберг⁴ и В. Мироновой-

---

деятельности государственного банка буржуазной Латвии (1922—1940). Автореферат. Рига, 1954.

¹ А. D r i z u l i s. 1) Buržuaziskās Latvijas pirmie gadi (1920—1923). Rīgā, 1948; 2) Cīņa par fašistiskās diktaturas gāšanu un Padomju Latvijas nodibināšana 1940 gadā. Rīgā, 1951; 3) Padomju Latvijas socialistiskās celtniecības pirmie gadi (1940—1941). Rīgā, 1952. — А. Д р и з у л. Установление советской власти и первые шаги социалистического строительства в Латвии (1940—1941). Исторические записки, № 45, 1954.

² В. А. М а а м я г и. Борьба эстонского народа за социализм (1940—1950). Автореферат канд. дисс. М., 1954.

³ V. S a m s o n s. Partizanu kustība Ziemeļlatvijā Lielā Tēvijas kara laikā. Rīgā, 1950.

⁴ Р. Я. Т и з е н б е р г. Латышский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945). Изв. Акад. наук Латвийск. ССР, 1954, № 10 (87).

Шпаковской.¹ В настоящее время К. Стразин² и Л. Терентьева³ занимаются изучением истории борьбы рабочего класса и крестьянства Латвии за социалистическое преобразование сельского хозяйства; молодой эстонский историк В. Маамяги изучает историю культурного строительства в Эстонской ССР.

Перечень тем и проблем исследований по истории прибалтийских народов, над которыми работают в настоящее время советские историки, дает представление о том, в каком направлении ведется научно-исследовательская работа. Понятно, что эта тематика существенным образом отличается от тех проблем, которые разрабатывались в прежней историографии Восточной Прибалтики. Следует также отметить, что по многим вопросам истории прибалтийских народов советские историки еще далеки от общепризнанных выводов. По ряду вопросов продолжаются споры, происходят дискуссии, а по другим вопросам они с неизбежностью еще возникнут в ближайшее время. Таким дискуссионным вопросом является, например, проблема возникновения феодализма в Восточной Прибалтике. Как известно, в прежней прибалтийской историографии почти общепризнанным считалось, что феодализм был полностью принесен из Германии немецкими крестоносцами в XIII в. Понятно, что советские историки никогда не возвратятся к этой теории происхождения феодализма, предполагающей в виде своей пред-

¹ В. Г. Миронова - Шпаковская. Коммунисты Латвии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945). Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

² К. Я. Стразин. Победа социализма в Латвийской ССР. Исторические записки, № 45, 1954.

³ Л. Н. Терентьева. Социалистические преобразования в хозяйстве, быту и культуре латышского крестьянства. Автореферат канд. дисс. М., 1952.

посылки исконную дикость древних латышей, ливов и эстов. Подобными выдумками прибалтийские немецкие историки оправдывали крестовые походы, а кровавые подвиги феодалов-завоевателей объявили культуртрегерством. С нашей точки зрения никакая научная дискуссия невозможна по поводу подобных антинаучных вымыслов. Зато советские историки очень интересуются вопросом об уровне развития скотоводства, земледелия, ремесла и торговли у прибалтийских народов в период до XIII в. Нас интересует вопрос о формах феодальных отношений и степени их зрелости до того, как завоеватели в XIII в. насильственно принесли и навязали прибалтийским народам многие феодальные правовые институты, типичные для средневековой Германии. В советской историографии по этим вопросам мнения историков расходятся. Достаточно, например, сопоставить сказанное академиком Б. Д. Грековым о социально-экономическом развитии прибалтийских народов в его книге «Крестьяне на Руси»¹ со страницами соответствующей главы «Истории Латвийской ССР» (т. I),² чтобы убедиться в значительном расхождении во взглядах. Было бы ошибочным считать вопрос о возникновении феодализма у прибалтийских народов уже решенным.

На объединенных научных сессиях, посвященных вопросам истории прибалтийских народов, возникла оживленная дискуссия по вопросу об оценке национального движения латышей и эстов в 60—70-х годах прошлого столетия. Некоторые историки (Г. Наан, В. Маамяги и др.) считают эстонских деятелей эпохи национального движения Ф. Крейцвальда и К. Якобсона представителями и выразителями интересов крестьянства. Другие же

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I. М., 1952, стр. 386—395.

² История Латвийской ССР, т. I, Рига, 1952, стр. 50—72.

прибалтийские историки, например Я. Крастынь, считают их, как и младолатышей, идеологами поднимающейся национальной буржуазии. Отзвуки этой дискуссии нашли отражение в соответствующих местах «Истории Латвийской ССР» (т. II) и «Истории Эстонской ССР».¹

Среди латышских историков и литературоведов возникла острая дискуссия также по вопросу об оценке того общественного и литературного движения 90-х годов прошлого века, которое известно под названием «нового течения». Подобные же дискуссии, борьба противоположных мнений возникают по ряду вопросов истории классовой борьбы прибалтийского крестьянства, в оценке аграрного законодательства XIX в., по вопросам изучения отдельных этапов развития революционного движения в XX в. и т. п.

---

¹ История Латвийской ССР, т. II, Рига, 1954, стр. 100—110; История Эстонской ССР, Таллин, 1952, стр. 223—229.

DIE GRUNDRICHTUNGEN IN DER HISTORIOGRAPHIE DER VÖLKER DES OSTBALTIKUMS (XIX—XX Jh.)

1. Entwicklungsbedingungen der historischen Wissenschaft in Lettland und Estland

Die baltischen Gouvernements (Kurland, Livland und Estland) nahmen in vielen Beziehungen eine Sonderstellung ein unter den übrigen Gouvernements des zarischen Imperiums. Am Ende des XIX Jahrhunderts nahm das Baltikum nach seiner industriellen Entwicklung eine der ersten Stellen unter den Randländern Russlands ein. In den Agrarverhältnissen haben sich jedoch so vielfache Überreste des Feudalismus und der Leibeigenschaft erhalten, wie sonst nirgends im übrigen Russland. Der örtliche baltische Adel besass besondere Standesrechte, welche dem russischen Adel unbekannt waren. Das Ergebnis war, dass die gesellschaftlichen Gegensätze und sozialen Widersprüche, die im zaristischen Russland am Vorabend der Oktoberrevolution vom Jahre 1917 herrschten, in den baltischen Gouvernements den schärfsten Charakter annahmen. Die der kapitalistischen Gesellschaft eigentümlichen Klassengegensätze wurden noch mehr zugespitzt durch nationale Gegensätze. Die deutsche Minderheit nahm im Baltikum eine herrschende Stellung ein, obgleich der Anteil der Deutschen an der Gesamtbevölkerung Lettlands

von 10,3% im Jahre 1881 auf 8,06% im Jahre 1897 sank. Die lettischen und estnischen Einwohner, welche die absolute Mehrheit der örtlichen Bevölkerung ausmachten, befanden sich in einer unterdrückten Stellung in politischer, sowie auch in ökonomischer und kultureller Beziehung. Der verschärfte Klassenkampf und das nationale Ringen bestimmten die Besonderheiten der Entwicklung der historischen Wissenschaften im Ostbaltikum. Bis zum Jahre 1917 verbleibt als Zentralproblem der historischen Forschungen die Frage der besonderen Privilegien des baltischen Adels und der herrschenden deutschen Minderheit in den baltischen Städten.

Mit dem Siege der sozialistischen Oktoberrevolution im Jahre 1917 beginnt ein neuer Zeitabschnitt in der Geschichte der Völker des Ostbaltikums. Durch den Sieg der kontrrevolutionären Bourgeoisie jedoch wurden diese Völker zeitweilig von der Sowjetunion getrennt. Zur Zeit der Herrschaft der nationalistischen Bourgeoisie haben sich ungünstige Verhältnisse für die Entwicklung der historischen Wissenschaft herausgebildet. Erst nach Verlauf von zwanzig Jahren, nach Wiederherstellung der Sowjetherrschaft im Jahre 1940, vereinigten sich die lettischen und estnischen Historiker mit der zahlreichen sowjetischen Historikerfamilie. Aber auch danach, infolge der Okkupation des Landes durch die hitlerischen Armeen, erwiesen sich die Verhältnisse für die Entwicklung der historischen Wissenschaft im Ostbaltikum wenig günstig. Erst nach Verjagung der Okkupanten erhielten die Historiker Sowjet-Lettlands und Estlands die Möglichkeit sich vollwertig der wissenschaftlichen Forschungsarbeit hinzugeben. Somit ist der sowjetische Zeitabschnitt in der Historiographie Lettlands und Estlands durch die letzten zehn Jahre (1945—1955) begrenzt, und die Sowjethistoriographie des Ostbaltikums ist als jüngster Zweig der historischen Wissenschaft

der Sowjetunion zu betrachten. Natürlich haben die Sowjethistoriker in ihren Forschungen über die Geschichte der baltischen Völker ein gewissen Nachlass der vorhergehenden Generationen von Historikern erhalten. Nur infolge des erhaltenen Nachlasses ist eine richtige Beurteilung der Ergebnisse der Forschungen der Sowjethistoriker, die sich mit dem Studium der Geschichte der baltischen Völker beschäftigen, möglich.

2. Die deutsch-baltische adelige Historiographie¹

Chronologisch genommen, waren die deutsch-baltischen Gelehrten und Publizisten die ersten Historiker des Ostbaltikums.

In der deutsch-baltischen Historiographie wurde die herrschende Richtung durch die Verfechter der ökonomischen und politischen Interessen des örtlichen Adels vertreten. Die zu dieser Richtung gehörigen Historiker haben in ihren historischen Arbeiten beständig und folgerichtig die Klassenherrschaft der deutschen Feudalen, des Adels, und ihr Recht der Ausbeutung der lettischen und estnischen Bauernschaft verfochten. Beginnend mit Heinrich dem Letten im XIII Jahrhundert, haben die Historiker dieser Richtung im Verlauf von sieben Jahrhunderten den feudalistischen Charakter der örtlichen Agrarverhältnisse, der Gerichts- und politischen Behörden verteidigt. In Abhängigkeit von der jeweiligen Situation hat die feudal-adelige Historiographie ihre historische Konzeption

---

¹ Я. З у т и с. Очерки по историографии Латвии, ч. I. Рига, 1949. — К. В. Л а й г н а. Развитие эстонской исторической мысли до 1917 г. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1952. — Eduard Winkelmann. Bibliotheca Livoniae historica. Berlin, 1878. — E. Blumfeldt u. N. Loone. Bibliotheca Estoniae historica MDCCCLXXVII—MCMXVII. Tartu, 1933—1939. — J. Misiņš. Latviešu Rakstniecības Rādītājs (1585—1910). Rīgā, 1924.

und Argumentation geändert, es wurden neue Tatsachen gesammelt, neue richtunggebende Ideen, Prinzipien wurden vorgeschoben, das heisst, es wurden die Methoden der wissenschaftlichen Begründung der Klassenherrschaft der deutschen Eroberer und ihrer Nachkommen verändert, aber die Zielbegründung und die politische Wesenheit blieben die alten. Bis zur zweiten Hälfte des XVIII Jahrhunderts haben die baltischen adeligen Historiker und Publizisten das unbegrenzte Recht der Gutsherrn über das Leben und Vermögen ihrer Leibeigenen durch Hinweise auf das Recht der Eroberer begründet, und dann durch die Kulturträgerrolle der deutschen Minderheit im Ostbaltikum, welche durch gewaltsame Methoden die Letten und Esten zur christlichen Kirche bekehrten und sie an anderen westeuropäischen Kulturgütern teilnehmen liessen. Letzten Endes durch Rezeption des Römischen Rechts, d. h. durch die Gleichstellung der römischen Sklaven mit den Leibeigenen der feudalen Gesellschaft und mit Hinweisen auf den besonderen nationalen Charakter der Letten und Esten, weswegen sie sich in ewiger Botmässigkeit der deutschen Feudalen befinden müssten.¹

Während der Zersetzung des feudalleibeigenschaftlichen Systems der Wirtschaft (Ende des XVIII — erste Hälfte des XIX Jahrhunderts) erklärten die Verfechter der Leibeigenschaft sich als Anhänger der Doktrin des Liberalismus, die die Freiheit der wirtschaftlichen Tätigkeit und die Nichteinmischung der Staatsgewalt in privatrechtliche Verhältnisse verfochten. Die Doktrin des Liberalismus deuteten die örtlichen Anhänger der Leibeigenschaft als Nichteinmischung der Staatsgewalt in die Agrarverhältnisse der baltischen Gouvernements. Nach der landlosen Befreiung der baltischen Bauern

---

¹ Я. З у т и с, указ. соч., стр. 238—247.

in den Jahren 1816—1819, erreichte der Adel die Aufhebung aller Gesetze, mit welchen die Regierung bis dahin versucht hatte die Abgaben der Bauern an die Gutsherrn zu normieren. Bis zur Reform der 60-ger Jahre des XIX Jahrhunderts hat sich in den baltischen Gouvernements die Frondienstwirtschaft erhalten, aber die rechtliche Grundlage waren jetzt die Verträge zwischen dem Landinhaber-Gutsherrn und dem Bauern-Arrendator oder Pächter des Grundstücks, der verpflichtet war den Frondienst in dem vom Gutsherrn bestimmten Ausmass zu erfüllen. In der deutsch-baltischen Historiographie erschien eine neue Generation von liberalen Gutsherrn und Bourgeois, angeführt von Reinhold Samson-Himmelstierna (1778—1858), Friedrich Georg Bunge (1802—1897) und anderen, welche unter dem Deckmantel des Liberalismus als fanatische Verfechter der mittelalterlichen Rechte und Privilegien der deutschen Minderheit in den baltischen Gouvernements auftraten. Mit dieser Absicht vereinigten sie sich in der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands. Diese Gesellschaft der baltischen Historiker organisierte in den 30-ger und 40-ger Jahren des XIX Jahrhunderts in den Archiven und Bibliotheken eine grosse Arbeit zur Kopierung von Verleihungsurkunden und anderen rechtlichen Akten, welche die Privilegien des örtlichen Adels und der städtischen Stände begründeten. Durch ihre Wirksamkeit haben die Glieder der Gesellschaft viel zur Zusammenstellung und Herausgabe des Provinzialrechts der Ostseeprovinzen (Teil I und II, St.-Petersburg, 1845; Teil III, St.-Petersburg, 1864) beigetragen.¹

In den 60-ger Jahren des XIX Jahrhunderts, während der bürgerlichen Reformen in Russland, gebrauchten die Historiker des baltischen Adels gewöhnlich die liberale

---

¹ Свод мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ. Ч. I и II, СПб., 1845; ч. III, СПб., 1864.

Phraseologie und stellten sich zur Schau als Verfechter der Gesetzlichkeit und sogar des Konstitutionalismus. Unter Gesetzlichkeit und Konstitution verstanden die adeligen Historiker die Überreste der feudal-ständischen Rechte und der Leibeigenschaft, die sich reichlich in den baltischen Gouvernements erhalten hatten. Als Verfechter der deutsch-baltischen Privilegien träten hervor: Julius Eckardt (1836—1908),¹ Woldemar von Bock (1816—1903),² Karl Schirren (1826—1910),³ Theodor Schiemann (1847—1924),⁴ Hermann Bruiningk (1849—1927)⁵ und andere.

In der zweiten Hälfte des XIX Jahrhunderts war der grösste Teil der baltischen deutschen Historiker Anhänger der Göttingenschen Schule von Georg Waitz. In dieser Richtung erzog der Professor der Dorpater Universität Richard Hausmann (1842—1918) im Laufe von drei Jahrzehnten nicht nur eine Generation von Historikern. Die grösste Popularität in der Verteidigung der feudalen Traditionen der Agrarverhältnisse erlangten Astaf von Transehe Roseneck, ein Schüler Georg Knapp, des Begründers der bekannten Strassburger Schule der Agrarhistoriker Deutschlands, und Alexander von Tobien (1854—1929), der langjährige Sekretär des adeligen statistischen Kom-

---

¹ Unter den zahlreichen Schriften von J. Eckardt, hauptsächlich publizistischen Inhalts, ist eine Monographie zu erwähnen, die auf Grund von Quellenmaterial verfasst ist. (J. Eckardt. Livland im 18. Jahrhundert. Umriss zu einer livländischen Geschichte. Erster Band, bis zum Jahre 1766. Leipzig, 1876).

² W. v. Bock. Livländische Beiträge, Bd. I—III. Berlin—Leipzig, 1867—1871.

³ C. Schirren. Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1869. (Zweite und dritte Ausgabe).

⁴ Th. Schiemann. Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert, I—II. Berlin, 1884—1886.

⁵ H. Bruiningk. Livländische Rückschau. Zur Abwehr gegen «Livländische Rückblicke». Dorpt—Riga—Leipzig, 1879.

tees.¹ Nach der Grossen Oktoberrevolution schrieb der Letztere den Nekrolog der livländischen Ritterschaft: er publizierte ein zweibändiges Werk über den getreuen Dienst des livländischen Adels dem Zarentum und über den Kampf der Livländer gegen die russische öffentliche Meinung, gegen das russische Volk.²

Ein unparteiischer Historiker, der das «Erbe» der deutsch-baltischen adeligen Historiographie beurteilt, muss daraus schliessen, dass er nichts Wesentliches zur Erforschung der Geschichte der ostbaltischen Völker — der Letten und Esten, gab. In ihren Arbeiten haben die adeligen Historiker nur die Geschichte der deutschen im Ostbaltikum herrschenden Oberschicht erforscht, verschwiegen aber die ostbaltischen Völker und ihre geschichtlichen Schicksale. Man muss sich wundern und bedauern, dass in Deutschland, Skandinavien und in anderen Ländern noch bis heute die historischen Nachrichten über die ostbaltischen Völker aus einer solchen Quelle wie die deutsch-baltische Historiographie geschöpft werden.

Die deutsch-baltische adelige Historiographie setzte sich zum Ziel, die Geschichte der Letten, Liven und Esten zu verschweigen. Paul Einhorn in seiner «*Historia Lettica*» (XVII Jahrhundert)³ erklärt die politischen Erwägungen, durch welche die deutschen Feudalen sich leiten liessen, durch das Verbot die lettischen Bauern mit der Geschichte ihres Landes bekannt zu machen. Er erzählt einen cha-

---

¹ A. v. T o b i e n. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert: Bd. I (Die Bauernverordnungen von 1804 und 1819), Berlin, 1899; Bd. II (Die Vollendung der Bauernbefreiung), Berlin, 1899; Riga, 1911.

² A. v. T o b i e n. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. Bd. I u. II. Berlin—Riga, 1925—1930.

³ P. E i n h o r n. *Historia Lettica*. Dorpt, 1649 (zweite Ausgabe in *Scriptores rerum Livonicarum*, II, 1853).

rakteristischen Vorfall, dass ein gebildeter Deutscher eine mittelalterliche Chronik über die Kriegstaten der alten Letten in die lettische Sprache übersetzte und sie den Bauern vorlas. Aber die Leibeigenen begannen sich in Gruppen zu versammeln und über das Gelesene zu diskutieren. Die Gutsherren bekamen Angst, dass ein Aufstand entstehen könnte, und verboten daher, unter Androhung der Todesstrafe, über die historische Vergangenheit des lettischen Volkes zu sprechen.

Im XIX Jahrhundert, nach der Bauernbefreiung, als es schon unmöglich wurde die Geschichte des lettischen und estnischen Volkes einfach zu verschweigen, wurde in Zeitungen, Kalendern und anderen Veröffentlichungen die Kulturträgerrolle der deutschen Feudalen verherrlicht, welche in einer ihnen nicht eigentümlichen Rolle als Wohltäter des lettischen und estnischen Volkes dargestellt wurden. Es wurde bewiesen, dass die Urbewohner des Ostbaltikums vorgeblich die Goten waren, während die Esten und anderen Völker aus Russland kamen, um den Platz der ursprünglich gotischen Bevölkerung einzunehmen. Eine solche früher sehr verbreitete «gotische Theorie» findet heute nirgends mehr Anhänger unter den ernstesten Gelehrten Deutschlands.¹ Im XIX Jahrhundert hatte diese Theorie zum Ziel die germanische feudale Aggression des XIII Jahrhunderts zu rechtfertigen. Der Pastor A. H. Villigerode stellte vor seinen estnischen Lesern die Frage auf

¹ L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme. Die Ostgermanen. 2-te Aufl. München, 1934, S. 198 ff. Sogar die deutschen Archäologen verzichten auf ihre früheren Ansichten über einen dauernden Aufenthalt der Goten im Ostbaltikum, aber sie verteidigen die These über den Einfluss der Goten auf die kulturelle Entwicklung der lettischen und estnischen Stämme, welcher bis zum VI Jahrhundert dauern sollte. (C. Engel. Aus ostpreussischer Vorzeit. 1935, S. 90—92. — W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. 1929).

in dieser Weise: «Und wenn den Einheimischen (d. h. Esten und Letten, — *J. Z.*) Gott erlaubt hat in unser Land aus Russland zu kommen, auf ein Volk (d. h. die Goten, — *J. Z.*), das hier schon früher wohnte, warum sollte man da den Deutschen die Ankunft in unser Land verbieten».¹ Im Lichte der jüngeren archäologischen Forschungen ist die Theorie von einem dauernden Aufenthalt der Goten im Ostbaltikum gänzlich haltlos. Die ununterbrochene Entwicklung der materiellen Kultur der Esten und Letten seit den ältesten Zeiten bis zum Anfang des XIII Jahrhunderts widerlegt überzeugend die Behauptung von einer dauernden Besiedelung des Ostbaltikums durch die Goten.² In der deutsch-baltischen und in der Historiographie der lettischen Bourgeoisie hat eine noch grössere Bedeutung die normannische Theorie erlangt,³ welche ihrem Wesen nach und wegen ihrer politischen Bedeutsamkeit nur eine Abart der gotischen Theorie darstellt. Die normannische Theorie ist mit ihrer Spitze nicht nur gegen die Völker des Ostbaltikums, sondern hauptsächlich gegen das russische Volk gerichtet. Im Einklang mit dieser Theorie werden die Völker Osteuropas als wilde Stämme geschildert, welche zu einer selbständigen kulturellen Entwicklung unfähig sind. Nach dieser Theorie haben westliche Eroberer die Anfänge der Staatlichkeit und Kultur nach Osteuropa gebracht. Die Hinfälligkeit der normannischen Theorie vom wissenschaftlichen Standpunkt aus wurde restlos in den Werken des Akademikers B. D. Grekov⁴ aufgedeckt, deshalb

¹ Tallorahwa Postimees, 1858, № 30.

² Н. М о о р а. Pirmatnējā kopienas iekārta und agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952.

³ А. Š v ā б е. Pagasta vēsture. I. Rīgā, 1926.

⁴ Б. Д. Г р е к о в. 1) Киевская Русь, М., 1953, стр. 561—566; 2) Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. I. М., 1953, стр. 27—54.

ist es im gegebenen Fall überflüssig sich mit ihrer Kritik zu befassen.

Auf diese Weise hat die deutsch-baltische adelige Historiographie auf allen Etappen ihrer Entwicklung beständig die Rolle der Volksmassen in der Geschichte verneint, die Forschung der wirklichen Geschichte des lettischen und estnischen Volkes ignoriert. Einige Quellenpublikationen sind der einzige Nachlass, den man zu einem objektiven Studium und einer wahrheitsgetreuen Darstellung der Sowjetrepubliken Estland und Lettland verwenden kann.

3. Die baltische Aufklärungshistoriographie

Diese Richtung wird durch eine verhältnismässig nicht grosse Gruppe von Historikern, hauptsächlich Einwanderern aus Deutschland vertreten. Der Stammvater dieser Gruppe — Johann Georg Eisen (1717—1779), der den Versuch unternahm eine Geschichte der leibeigenschaftlichen Sklaverei im Ostbaltikum zu schreiben, veröffentlichte eine Beschreibung der niederdrückenden Leibeigenschaftsverhältnisse in Livland um die Mitte des XVIII Jahrhunderts.¹ Weniger entschlossene Gegner der Leibeigenschaft waren Heinrich Jannau (1752—1821)² und Karl Snell (1753—1826)³.

---

¹ J. G. Eisen. Eines liefländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Liefland über die Bauern eingeführt ist. Sammlung russischer Geschichte, von G. F. Müller, Bd. IX, 1764, SS. 491—527.

² H. J. v. Jannau. Geschichte der Slavery und Charakter der Bauern in Lief- und Ehtland. Ein Beitrag zur Verbesserung der Leibeigenschaft. Nebst der genauesten Beschreibung eines liefländischen Hakens. 1786.

³ K. Ph. M. Snell. Beschreibung der russischen Provinzen an der Ostsee. . . Jena, 1794.

Der hervorragendste Vertreter dieser Gruppe war Garlieb Merkel (1769—1850). Wahrscheinlich war Merkel mit dem Buch des russischen revolutionären Demokraten A. N. Radischtschew «Die Reise von Petersburg nach Moskau» (1790) bekannt. Merkel selbst hat als seine Lehrer die französischen Aufklärer des XVIII Jahrhunderts — Raynal und Rousseau, wie auch den Engländer Hume bezeichnet. Garlieb Merkel wuchs in den Verhältnissen des leibeigenschaftlichen Gutes in Livland auf und war Augenzeuge der Schrecken der gutsherrlichen Willkür. Er trat als begeisterter Kämpfer gegen die Leibeigenschaft auf. Am Ende des XVIII Jahrhunderts erlangte Merkel europäische Berühmtheit mit seinem Werk «Die Letten, vorzüglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts»,¹ in welchem er eine vernichtende Kritik der Leibeigenschaft gab. Sein Buch wird von heutigen Lesern und wurde von denen am Ende des XVIII Jahrhunderts als wahrheitsgetreustes historisches Dokument empfunden. Man kann einzelne Formulierungen bestreiten, aber seine Aufrichtigkeit und Wahrhaftigkeit stehen ausser Zweifel.

Die publizistische Tätigkeit Garlieb Merkels hat von jeher die Aufmerksamkeit der lettischen, russischen und deutschen Forscher angezogen.² Der Kampf, der um seinen Namen entbrannte, wird bis zum heutigen Tage

---

¹ G. M e r k e l. Die Letten, vorzüglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Völker- und Menschenkunde. Leipzig, 1796.

² H. D i e d e r i c h s. Garlieb Merkel als Bekämpfer der Leibeigenschaft und seine Vorgänger. Baltische Monatsschrift, Neue Folge, Bd. I, 1870, SS. 38—83. — G. S. v. B r a s c h. Beantwortung der Gegenfragen Herrn Merkels. Intell. Bl. d. Allg. Zeitg., 1798. № 21. — H. F. T i e b e. Lief- und Esthlands Ehrenrettung gegen die Herren Merkel und Petri. Halle, 1804.

fortgeführt.¹ Im gegebenen Fall interessiert uns nicht die Tätigkeit Merckels auf dem Gebiet der Literatur, sondern sein Einfluss auf die Entwicklung der historischen Wissenschaft im Ostbaltikum. In seinen «Letten» gab Merkel eine zeitgenössische Beschreibung der Volksmassen am Ausgang des XVIII Jahrhunderts, und nur an einzelnen Stellen (I Kapitel) berührt er die historische Vergangenheit des lettischen Volkes. Als Historiker trat Merkel mit seinen Werken «Die Vorzeit Lieflands» (Bd. I u. II, 1798—1799)² und «Die freien Letten und Esthen» (1820)³ hervor. Den besten Traditionen der englischen und französischen Historiker — Aufklärer des XVIII Jahrhunderts — folgend, hat Merkel es sich zum Ziel gestellt, nicht die Geschichte der Könige und Eroberer, sondern die Geschichte des Volkes, der Volksmassen zu schreiben. Obwohl er, gleich vielen anderen Aufklärern des XVIII Jahrhunderts, Anhänger der Theorie des aufgeklärten Absolutismus war und eine grosse Bedeutung der gesetzgeberischen Tätigkeit des aufgeklärten Monarchen beimass, so halfen ihm die Geschehnisse der französischen bürgerlichen Revolution die aussergewöhnliche Rolle der Volksmassen und den revolutionären Kampf in der Geschichte richtiger einzuschätzen. Beim Studium der Geschichte des lettischen Volkes wandte sich Garlieb Merkel an eine solche Quelle der historischen Erkenntnis, wie die Schaffenskraft des Volkes selbst — zur Volkstumskunde. Er zeichnete die Sagen der alten Liven auf und veröffentlichte im Jahre

---

¹ Garlibs Merķelis. Latvieši, sevišķi. Vidzemē, filosofiskā gadsimtenā beigās. Rīgā, 1953.

² G. Merckel. Die Vorzeit Lieflands. Ein Denkmal des Pfaffen- und Rittergeistes. Berlin, 1798—1799.

³ G. Merckel. Die freien Letten und Esthen. Eine Erinnerungsschrift zu dem am 6. Januar 1820 in Riga gefeierten Freiheitsfeste. Leipzig, 1820.

1802 «Wannem Ymanta»,¹ in welchem er den Kampf der Volksmassen gegen ihre Bedrücker verherrlichte. Es ist auch zu bemerken, dass Garlieb Merkel als einer der Ersten auf die Jahrhunderte dauernden historischen Beziehungen hinwies, welche die Völker des Ostbaltikums mit dem russischen Volk und Russland verbanden. Er ist einer der ersten baltischen Historiker, der sich negativ gegen die deutsche feudale Aggression des XIII Jahrhunderts verhielt und die Zertrümmerung und Vernichtung des deutschen Ordens durch russische Truppen im XVI Jahrhundert als eine positive historische Tatsache wertete.

Eine ebensolche positive Tatsache war, nach der Meinung Merkels, die Einverleibung des Ostbaltikums ins russische Reich.

J. Petri (1762—1854) hat die Arbeiten Garlieb Merkels durch die Beschreibung der leibeigenschaftlichen Sklaverei der estnischen Bauern² ergänzt. Er trat als scharfer Kritiker der Leibeigenschaft in Estland am Vorabend der landlosen Befreiung der Bauern auf. Er bezeichnet die Bauern und Gutsherren als «unter einander sich bekämpfende Klassen», er versteht aber nicht die wahre Bedeutung des Klassenkampfes in der Geschichte und lässt daher die Möglichkeit eines friedlichen Überganges zur kapitalistischen Produktionsweise zu.

Noch vor Merkel interessierte sich für die lettischen Volkslieder der bekannte deutsche Denker und Dichter Johann Gottfried Herder (1744—1803). Im allgemeinen Verlauf der Weltgeschichte findet Herder Platz auch für die baltischen Völker, zu welchen er auch die finnischen

---

¹ G. M e r k e l. Wannem Ymanta, eine lettische Sage. Leipzig, 1802.

² J. Chr. P e t r i. Esthland und die Esthen, oder historisch-geographisch-statistisches Gemälde von Esthland. Gotha, 1802.

Volksangehörigen, die Letten und alten Preussen zählt.¹ Nach dem Urteil Herders «bildet das Schicksal der Völker an der Küste des Baltischen Meeres eine traurige Seite in der Geschichte der Menschheit». Entweder wurden sie vernichtet oder an das Baltische Meer gedrückt, dass sie sich nirgendwohin mehr begeben konnten. «Die Menschheit wird erschrecken von dem Blute, das hier in wilden Kriegen vergossen wurde, bis die alten Preussen fast gänzlich vernichtet wurden, die Kuren und Letten aber zu Sklaven gemacht. . .». Herder meint, dass der ganze Sinn der baltischen Geschichte darin besteht, dass die deutschen feudalen Eroberer, versunken in «ritterlicher Pracht und Unzucht», von der Weichsel (Wisla) bis zur Düna (Daugava) und bis zur Neva herrschten. An allen diesen Orten hat sich nach Herder die Meinung über die deutschen Feudalen gebildet, dass kein erobertes Land mit mehr Anmassung und Bedrückung verwaltet werden könnte, als sie die Gestade des Baltischen Meeres verwalteten.

Die spätere deutsch-baltische und lettische bürgerliche Historiographie verzichteten auf die Ideen der bürgerlichen Aufklärer des XVIII Jahrhunderts. Die Auffassung Merkels und der anderen Aufklärer wurde als «unhistorisch» erklärt. Eine solche Anklage ist ganz grundlos, da gerade die Vertreter der Aufklärungsperiode die Anfänge zu einem wissenschaftlichen Aufbau der baltischen Agrar- und politischen Geschichte legten. Sie versuchten als Erste eine Geschichte der baltischen Völker zu schreiben und zeigten dabei deren Jahrhunderte andauernden Beziehungen zum russischen und anderen Völkern Osteuropas. Die Fortsetzer ihrer Traditionen waren die fortschrittlichen russischen, lettischen und estnischen Historiker der 60-ger Jahre des XIX Jahrhunderts.

¹ J. G. Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Ausgewählte Werke, Bd. VI, S. 100—101.

4. Die russischen revolutionären Demokraten und ihr Einfluss auf die fortschrittliche estnische und lettische Intelligenz

In den 40-er und 50-er Jahren des XIX Jahrhunderts verstärkte sich die Bauernbewegung in den baltischen Gouvernements. J. Krodznieks¹ und H. Kruus² machten die Bauernunruhen der 40-er Jahre zum Gegenstand ihrer Forschungen. Wegen seiner politischen Nachwirkungen ist der sogenannte «Krieg in Machtra» vom Jahre 1858 bemerkenswert. Beim Zusammenstoss mit einer Abteilung der zarischen Truppen haben die aufständischen estnischen Bauern gesiegt, die Soldaten in die Flucht geschlagen und die Gutsgebäude verbrannt. Die Geschehnisse in Machtra haben unter den baltischen Gutsherren Beunruhigung hervorgerufen und die Aufmerksamkeit weiter Kreise der russischen Öffentlichkeit auf sich gelenkt. Die russischen revolutionären Demokraten betrachteten die Agrarrevolution in den baltischen Gouvernements und den allgemeinen Aufstand der russischen leibeigenen Bauern als entscheidende Bedingung des Sieges über die Selbstherrschaft. In der von A. J. Herzen herausgegebenen Zeitung «Kolokol», dem Organ der russischen revolutionären Demokraten, erschienen in den Jahren 1858—1863 eine ganze Reihe von Artikeln und Briefen, welche der Agrarfrage und ihrer Geschichte in den baltischen Gouvernements gewidmet waren. Die Historiker der estnischen Sowjetrepublik (J. J. Kahk, A. Lubarski und V. J. Miller)³

¹ J. K r o d z n i e k s. Zemnieku nemieri 1841 g. Rīgā, 1922.

² H. K r u u s. Talurahva käärimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail. Tartu, 1930.

³ Ю. Ю. К а х к. «Колокол» Герцена и крестьянское движение в Эстонии накануне и во время революционной ситуации 1859—1861 годов. Изв. Акад. Наук Эстонск. ССР, 1953, № 3, стр. 451—462. — В. Я. М и л л е р. О связях А. И. Герцена

bewiesen, dass direkte Beziehungen bestanden zwischen den russischen revolutionären Demokraten und der estnischen fortschrittlichen Intelligenz. Es ist wahrscheinlich, dass der im Dienst der estländischen Gouvernementsregierung stehende Beamte N. F. Russow der Verfasser des Artikels «Die deutschen Ritter des XIX Jahrhunderts in Estland» war, welcher im «Kolokol» vom 1. Dezember 1858 erschien. Längst bekannt ist der Name des lettischen Revolutionärs Peter Balodis (1839—1918), der mit D. J. Pisarew, N. G. Tschernischewski und anderen russischen revolutionären Demokraten zusammenarbeitete.

Im Kreise der russischen revolutionären Demokraten der 50-er Jahre wurde Garlieb Merkels Tätigkeit auf dem Gebiete der Literatur sehr hoch geschätzt, da er «in der Literatur eine lebendige Anteilnahme zur Frage der Vernichtung der Leibeigenschaft anregte». Sie rechneten Merkel als Verdienst an, dass er «an Ort und Stelle die Lebensart der unglücklichen Letten erforschte, sich nach Deutschland begab und dort sein bemerkenswertes Werk veröffentlichte, darin er die schädliche Wirkung und die dauerlichen Folgen der leibeigenschaftlichen Abhängigkeit krass hervorstrich, gleichzeitig den Beschluss des livländischen Landtages vom Jahre 1765 untersuchte, der nur halbe Massregeln vorsah, die nicht im Stande waren, den Wohlstand der Bauern zu gewährleisten. Dieses Werk hinterliess in Deutschland einen tiefen und nachhaltigen Eindruck».¹

Die revolutionären Demokraten meinten, dass die Schriften Merkels eine bedeutende Rolle in der Sache der Vorbereitung der Bauernbefreiung gespielt hatten — «seine Schriften von den baltischen Bauern, welche in lebendiger

---

с прогрессивной интеллигенцией Таллина. Изв. Акад. Наук Эстонск. ССР, 1954, № 2, стр. 281—297.

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. V, стр. 918.

Form ihre unglückliche Lage schildern und die überzeugend die damals noch neue Meinung über die Mittel zur Verbesserung der Lage der Bauern aussprachen und damit viel zur Verbreitung gerechterer Begriffe über diesen Gegenstand beigetragen haben».¹

Das revolutionäre Auftreten der lettischen Bauernschaft betrachtete Garlieb Merkel als einen der möglichen, aber durchaus nicht den einzigen Weg zur Aufhebung der Leibeigenschaft. Für die russischen revolutionären Demokraten jedoch war die Idee der Volksrevolution die Grundlage ihrer historischen Auffassung. Nach ihrer Vorstellung stellten die lettischen und estnischen Bauern eine der Abteilungen der millionenköpfigen Bauernschaft Russlands dar, welche als Ergebnis der Volksrevolution oder eines allgemeinen Aufstandes die Selbstherrschaft und die Herrschaft der Gutsherren wegfegt. Besonders konsequent wurde die Idee der Bauernrevolution von N. G. Tschernischewski durchgeführt, dem Führer der revolutionären demokratischen Bewegung der 60-er Jahre des XIX Jahrhunderts. Die Möglichkeit der Befreiung der Bauern und aller werktätigen Volksmassen verknüpfte er mit dem Übergang der Staatsgewalt in die Hände des Volkes selbst.

Zum Presseorgan der fortschrittlichen baltischen Intelligenz, welche Beziehungen zu den russischen revolutionären Demokraten unterhielt, wurde im Jahre 1860 die täglich erscheinende «Revalsche Zeitung», die in Tallinn N. F. Russow redigierte. Zum selben Kreis der fortschrittlichen Intelligenz gehörte auch der Autor des anonym erschienenen Buches «Der Este und sein Herr» (1861), der eifrig zur Verteidigung der estnischen Bauernschaft auftrat und scharf die Agrarverhältnisse im Baltikum kritisierte.

---

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. V, стр. 807.

Es wird angenommen, dass der Autor des Buches W. G. Blagoweschtschenski sei, der in den baltischen Gouvernements viele Jahre als Lehrer der russischen Sprache und später als Zensor arbeitete.

Das Auftreten der baltischen Bauern gegen die Leibeigenschaft war seinerzeit auch den lettischen und estnischen nationalistischen bürgerlichen Historikern bekannt, sie gingen jedoch von einer falschen historischen Auffassung aus und negierten die Gemeinschaft der historischen Schicksale der baltischen Völker mit denen des russischen Volkes. Sie verneinten den Zusammenhang zwischen dem Kampf der russischen und der baltischen Bauernschaft. Sie ignorierten auch vollständig den Einfluss der russischen revolutionären Demokraten auf die fortschrittliche Intelligenz des lettischen und estnischen Volkes. Infolgedessen gaben die bürgerlichen Historiker eine unrichtige Darstellung sowohl des Charakters, als auch der Resultate des Kampfes der baltischen Bauern im XIX Jahrhundert- um persönliche Freiheit und Land. Die Sowjethistoriker zeigten, dass die Bauernbewegung in den baltischen Gouvernements der 50-ger und 60-ger Jahre des XIX Jahrhunderts ein Bestandteil der allrussischen revolutionären Situation war. Sie haben allseitig und tiefgehend die historische Bedeutung, z. B., des Aufstandes der estnischen Bauern — «des Krieges in Machtra» vom Jahre 1858 aufgedeckt. Durch den Druck des Kampfes der Volksmassen in ganz Russland wurde der Zarismus gezwungen den Weg der bürgerlichen Reformen zu beschreiten. Der Kampf der estnischen und lettischen Bauern hätte die bürgerlichen Reformen der 60-ger und 70-ger Jahre in den baltischen Gouvernements nicht herbeigeführt, wenn in diesem Kampfe die vielzählige Millionennasse der russischen Bauernschaft sie nicht unterstützt hätte. Eben zu dieser Folgerung kam der junge estnische

Historiker J. J. Kahk in seiner monographischen Forschung «Die Bauernbewegung des Jahres 1858 in Estland» («Der Krieg in Machtra»)¹ Die zaristische Regierung, welche noch in den Jahren 1856—1857 augenscheinlich mit der Agrarpolitik des baltischen Adels sympathisierte, sah sich nach dem Bauernkrieg vom Jahre 1858 in Machtra gezwungen, davon abzusehen, die baltische «Erfahrung» auf russische Gouvernements zu übertragen.

5. Die historische Auffassung der lettischen und estnischen Bourgeoisie

Bis zur Mitte des XIX Jahrhunderts deckte sich der Begriff des lettischen und estnischen Volkes mit dem Begriff der baltischen Bauernschaft. Obgleich in den Städten des Ostbaltikums im Verlaufe des ganzen Mittelalters eine bedeutende Mittelschicht von lettischen und estnischen Stadteinwohnern bestand, waren jedoch diese Plebejer infolge ihrer Lebensart vom Klassenkampf auf dem Lande abgekommen. Die reich gewordenen lettischen und estnischen Städter waren in der Regel bald germanisiert. Zweifellos hat im XVIII Jahrhundert eine Gruppe der rigaschen lettischen Bourgeoisie, geführt von Steinhauer, den Kampf um ihre Rechte aufgenommen.² Im Auftrage Steinhauers und mit seinen Mitteln wurde eine Sammlung historischer Dokumente über die Rechte der rigaschen Letten zusammengestellt, die bekannt ist unter dem Namen des Kodex von Samowski (Corpus privilegiorum indige-

---

¹ Ю. Ю. К а х к. 1) Крестьянское движение 1858 года в Эстонии («Война в Махтра»). Автореферат канд. дисс. Ленинград, 1954, 2) Страницы истории. Советская Эстония, 26 окт. 1954.

² J. S t r a u b e r g s. Rīgas latviešu pirmās nacionālās cīņas 18. g. s. Rīgā, 1936.

normum Rigensium).¹ Doch erst nach der baltischen Bauernbefreiung wurden günstigere Verhältnisse für die Entwicklung der lettischen und estnischen Land- und Stadtbourgeoisie geschaffen. Die rechtliche Lage dieser Bourgeoisie wurde durch die Reformen der 60-er und 70-er Jahre des XIX Jahrhunderts bestimmt. In dieser Zeit geht auch der Prozess des Werdens der lettischen und estnischen bürgerlichen Nationen seinem Ende zu. Zum Bestand jeder bürgerlichen Nation gehören als Grundklassen die Bourgeoisie und das Proletariat. In den historischen Verhältnissen des Ostbaltikums hat der Bauernstand auch weiter fortbestanden, wurde jedoch einem verstärkten Prozess der sozialen Differenzierung unterzogen. Die reich gewordenen Spitzen der ländlichen Bevölkerung vervollständigten die Reihen der nationalen Bourgeoisie, dagegen bildeten die immer mehr ruinierten Massen des Bauernstandes die Grundlage zur Formierung der Arbeiterklasse.

Die lettische und estnische bürgerliche Intelligenz trat im Namen des ganzen Volkes auf, obgleich sie die wahren Interessen der Volksmassen, der Arbeiter und Bauern, nur in begrenztem Umfange ausdrückte — nur soweit sie den Kampf der Volksmassen gegen die Überreste des Feudalismus und gegen den nationalen Druck von Seiten des deutschen Adels und der Bourgeoisie leitete. Sie hörte auf eine fortschrittliche Rolle in allen den Fällen zu spielen, wo sie zur Verteidigung enger Klasseninteressen, d. h. den Ausbeutungsinteressen ihrer nationalen Bourgeoisie, auftrat. Eine dieser analoge, gesellschaftlich-po-

---

¹ Corpus privilegiorum indigenorum Rigensium. Diplomatisches Corpus von denen Vorzügen, Privilegien, Freyheiten, Gerechtigkeiten u. Gewohnheiten derer Einheimischen u. deren Aemter zu Riga in Liefland. . . aus denen öffentlichen Archiven u. Actis publicis hervorgezogen. . . von Samowsky, (Das Manuskript wird in der Öffentlichen Staatsbibliothek Saltykow-Schtschedrins in Leningrad aufbewahrt).

litische Richtung in Estland wurde von der Gruppe «petersburgischer Patrioten» geleitet, mit dem bekannten Künstler J. Keller an der Spitze. Die hervorragendsten Vertreter der bürgerlich-demokratischen Richtung — Fr. R. Kretzwald und K. R. Jakobson in Estland, K. Waldemars, Krišjānis Barons und I. Allunans in Lettland, — erlangten eine grosse Popularität in den Volksmassen, weil sie mutig gegen die Privilegien der baltischen Gutsherren und lutherischen Pastore auftraten.

Die Führer der bürgerlich-nationalen Bewegung schufen sich ihre historische Konzeption, indem sie sich an die historische Auffassung Garlieb Merkels anschlossen. Aber im Gegensatz zu den russischen revolutionären Demokraten, welche in den Schriften Garlieb Merkels den Widerhall der französischen Revolution vom Ende des XVIII Jahrhunderts erblickten, haben die Jungletten sich der revolutionären Propaganda in den Volksmassen enthalten und teilten die Meinung Merkels über die Möglichkeit eines anderen Weges zur Lösung der Agrarfrage, d. h. die Durchführung von bürgerlichen Reformen in gesetzgeberischer Tätigkeit der zaristischen Regierung.

Die historische Konzeption der Jungletten und estnischen bürgerlichen Demokraten kann man als antifeudale und, bei den damals herrschenden politischen Verhältnissen, als fortschrittliche bezeichnen.

Ihre Grundleitsätze sind folgende:

1) im Gegensatz zu der Auffassung der deutsch-baltischen Historiographie behaupteten diese Demokraten, dass die Esten und Letten bis zum XIII Jahrhundert freie Völker waren, welche sich auf einer verhältnismässig hohen Kulturstufe befanden;

2) im Gegensatz zur «Kulturträger-Theorie», welche in der deutsch-baltischen Historiographie herrschte, bewiesen sie, dass die deutschen Kreuzritter und Feudalen,

welche das Ostbaltikum im XIII Jahrhundert eroberten, den örtlichen Völkerschaften keine Kultur, sondern nur schwere Sklaverei brachten;

3) weiter wiesen sie darauf hin, dass den baltischen Völkern in ihrem Kampfe gegen die deutschen Eroberer, wie im XIII Jahrhundert, so auch später, das russische Volk zu Hilfe kam. Doch, richtig hinweisend auf den gemeinsamen Kampf und die historischen Beziehungen der baltischen Völker zum russischen Volk, liessen sie grobe Fehler zu, indem sie nicht selten das russische Volk mit dem Zarismus identifizierten.¹

Die örtlichen baltischen Archive befanden sich damals in den Händen der adeligen Historiker und für die Jungletten war der Zutritt zu ihnen verschlossen. Zur Begründung ihrer historischen Leitsätze waren die lettischen und estnischen bürgerlichen Historiker gezwungen die Quellenpublikationen zu gebrauchen, die von ihren Gegnern — den deutschen Historikern — vorbereitet waren. Damit ist die oft ungenügende wissenschaftliche Argumentation einzelner Grundthesen der lettischen und estnischen Historiker in der zweiten Hälfte des XIX Jahrhunderts zu erklären. Dagegen machten sie umfangreichen Gebrauch vom volkskundlichen Schaffen — vom estnischen und lettischen Folklore, d. h. sie beschritten den noch von Herder und Merkel bezeichneten Weg. Die Vertreter der estnischen nationalen Bewegung F. R. Feldmann (1798—1850) und Fr. R. Kreutzwald (1803—1882) bemühten sich um die Aufzeichnung des estnischen Folklores. Fr. R. Kreutzwald hat schöpferisch den estnischen Volksepos «Kalewipoeg» umgearbeitet und entwickelte darin die historische Auffassung, dass die Esten einen Heldenkampf mit den deut-

¹ «Memorandum» K. Waldemars. (A. Altements. Dokumenti par tautas atmodas laikmetu 1856—1867 g. Rīgā, 1939, pp. 156—223).

schen Rittern führten, wobei sie enge freundschaftliche Beziehungen zu ihren östlichen Nachbarn — den Russen unterhielten. In der Geschichte der lettischen Kultur hat Krišjānis Barons (1835—1923) Berühmtheit erlangt, der eine umfangreiche Sammlung von lettischen Volksliedern zur Veröffentlichung vorbereitete.¹ Das volkskundliche Schaffen diente den besten lettischen Dichtern der nationalen Bewegung als Quelle der Begeisterung — Juris Allunans, Auseklis, Andrejs Pumpurs und anderen, welche sich oft vom historischen Stoff hinreissen liessen.

Auf den einzelnen Kampfetappen waren die Verbündeten der Jungletten die russischen Slavophilen. Der sich an die Slavophilen anlehrende J. F. Samarin trat ungeachtet seiner politischen Ansichten, welche typisch für den liberalen russischen Adel waren, mit einer Kritik der landlosen Bauernbefreiung in den baltischen Gouvernements auf und bestand auf der Aufhebung der besonderen Privilegien der baltischen Gutsherren. In seinen historischen Arbeiten zur Geschichte der Stadt Riga und über die Agrargeschichte des Baltikums unterzog J. F. Samarin² das baltische Variat der Entwicklung des Feudalismus und der Leibeigenschaft einer scharfen Kritik. Auf diesem Gebiet war er der natürliche Verbündete der Jungletten.

Der Abgang der Jungletten von den russischen revolutionären Demokraten und die Suche nach Verbündeten unter den Vertretern der russischen reaktionären Gesellschaftsströmungen zeigt den bürgerlich-begrenzten Charakter der lettischen nationalen Bewegung, deren Führer ihr Misstrauen in Bezug auf die revolutionäre Energie der Volksmassen offenbarten.

---

¹ Kr. Barons u. H. Vissendorfs. *Latvju dainas*. I—VI (8 sējumi). Jelgavā—Pēterburgā, 1898—1915.

² Ю. Самарин. 1) *Окраины России*, вып. I—II. Прага, 1868; 2) *Соч.*, т. 7 (Письма из Риги и История Риги), М., 1889.

Der hervorragendste Vertreter der lettischen bürgerlichen Historiographie jener Zeit war J. Krodznieks (1851—1924). In den 70-er Jahren näherte er sich in Moskau den Jungletten K. Waldemars und F. Brivzemnieks. Indem er sich unter ihrem direkten Einfluss befand, begann er sich mit der Geschichte Lettlands zu befassen.¹ Nach seinen historischen Ansichten war er ein Epigone der junglettischen Bewegung. Er trat mit seinen historischen Schriften viel zu spät auf, denn die historische Konzeption der Jungletten befriedigte die lettische Bourgeoisie nicht mehr, welche damals schon endgültig ins Lager der Reaktion übergegangen war. Gleichzeitig konnten die Arbeiten Krodznieks auch die Ansprüche der fortschrittlichen Intelligenz nicht vollständig befriedigen, da dieselbe vom marxistischen Standpunkt in den Kampf mit der reaktionären bürgerlichen Ideologie eintrat.

Der fortschrittliche Charakter der bürgerlich-nationalen Bewegung erwies sich als ein historisches Ereignis von nur kurzer Dauer. Am Anfang der Periode der Arbeiterbewegung (80—90-er Jahre des XIX Jahrhunderts) suchte die lettische und estnische Bourgeoisie Annäherung und gemeinsames Verständnis mit den reaktionären Kreisen des deutschen Adels und der Geistlichkeit. Die historische Konzeption der Jungletten und estnischen Demokraten wurde einer grundsätzlichen Durchsicht unterzogen.

In Estland war die antifeudale historische Konzeption Kreutzwalds den Angriffen des Führers der konservativ-klerikalen Richtung Jakob Hurts (1839—1906)² ausgesetzt, der gegen die scharfe Kritik des Feudalsystems auftrat und behauptete, dass die christliche Kirche die

---

¹ J. K r o d z n i e k s. Raksti. (Iz Baltijas vēstures). I—III. Rīgā, 1912—1914.

² К. В. Л а й г н а. Развитие эстонской исторической мысли до 1917 г. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1952.

Bauern gegen die Ausbeutung geschützt hätte. Er negierte das Vorhandensein des Klassenkampfes in der Geschichte des estnischen Volkes und verschwieg gänzlich den grössten Bauernkrieg im Ostbaltikum — den Aufstand der estnischen Bauern in den Jahren 1343—1348. In seinen Arbeiten ignorierte er völlig die russischen Chroniken, obgleich dieselben eine der Grundquellen der Geschichte des Ostbaltikums darstellen. Unkritisch übernahm er die Grundsätze der deutsch-baltischen adeligen Historiographie. In der Darstellung Hurts erscheint das estnische Volk nicht als aktiver Schöpfer oder Subjekt des historischen Prozesses, sondern als passives Objekt der Politik verschiedener Eroberer.

Zu Beginn des XX Jahrhunderts wird als hervorragendster Vertreter der estnischen bürgerlichen Historiographie Willem Reimann (1861—1917) bezeichnet. Auch er verherrlichte die «Kulturträger-Mission» der deutschen Eroberer und der Kirche. Er übernahm auch noch andere Grundsätze der reaktionären deutsch-baltischen Historiographie. In den Jahren 1903—1906 verfasste Reimann einen kurzen Leitfaden der Geschichte Estlands, welcher veröffentlicht wurde in Form einzelner Kapitel der «Allgemeinen Geschichte» des finnischen Historikers Lindequist, welche ins Estnische übersetzt wurde.¹ Im Jahre 1920 wurde dieser Leitfaden als selbständiges Buch veröffentlicht und diente eine Zeitlang sogar als Lehrbuch der Geschichte Estlands. Auf diese Weise wurde die reaktionäre historische Konzeption Reimanns im bürgerlichen Estland offiziell anerkannt.

Auch in der lettischen Historiographie wurden in einigen Veröffentlichungen Hurt- und Reimann-ähnliche reaktionär-klerikale historische Konzeptionen propagandiert,

¹ К. В. Лайгна. Развитие эстонской исторической мысли до 1917 г. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1952.

die von deutschen Pastoren redigiert wurden, aber am Anfang des XX Jahrhunderts auch von den reaktionären lettischen Publizisten — A. Niedra und Fr. Veinbergs.

Im XX Jahrhundert propaganderte die estnische und lettische bürgerliche Historiographie, bis zum Jahre 1917 hauptsächlich durch Zeitungs- und Zeitschriftenartikel vertreten, folgende Grundsätze.

1. Die Idee der Einheit der Nation und das Nichtvorhandensein des Klassenkampfes in der Geschichte; aber zu gleicher Zeit wurde die einheitliche Nation als amorphe und passive Masse dargestellt, welche nur als Objekt der politischen Einwirkung seitens der Eroberer, Könige und Gesetzgeber diente.

2. Bis zum Jahre 1917 war die Politik der lettischen und estnischen bürgerlichen Nationalisten auf eine Zusammenarbeit mit der russischen Bourgeoisie und dem Zarismus orientiert, aber nach dem Siege der proletarischen Revolution in Russland wurde die «westliche Orientierung» allgemein anerkannt, laut welcher die baltischen Völker zum westeuropäischen Kulturkreis gehören; in historiographischer Hinsicht bedeutete die «westliche Orientierung» die Anerkennung der Kulturträgerrolle der normanischen und deutschen Eroberer, Rechtfertigung der Politik der Versklavung der Volksmassen, welche in der Vergangenheit von den deutsch-baltischen Feudalen und Gutsherren durchgeführt wurden.

3. Die «westliche Orientierung» der lettischen und estnischen bürgerlichen Historiker nach dem Jahre 1917 trat auch im Ignorieren oder in der unrichtigen Schätzung der Geschichte der russisch-estnischen und russisch-lettischen Beziehungen hervor; nicht selten beschäftigten sich die bürgerlichen Historiker mit unverhüllter anti-russischer Propaganda, die sich zum Ziel setzte die baltischen Völker gegen das russische Volk und die Sowjetunion aufzubringen.

So wurde, zum Beispiel, der Jahrhundertlange gemeinsame Kampf der Volksmassen des Ostbaltikums mit dem russischen Volk gegen die ausländischen Eroberer und Unterjocher, gegen den Druck der Leibeigenschaft und der zaristischen Selbstherrschaft gänzlich verschwiegen.

4. In methodologischer Hinsicht folgten die lettischen und estnischen bürgerlichen Historiker den Ideen der Neokantianer. Besonders wurde die Lehre Heinrich Rückerts über den transzendentalen Idealismus propagandiert. Die Vorstellung von der Geschichte als einem irrationalen Prozess, die Verneinung des gesetzmässigen Verlaufs der Geschichte und die Reduzierung historischer Tatsachen auf individuelle, niemals wiederkehrende Geschehnisse lässt keinen Raum für die Rolle der Volksmassen in der Geschichte. Wie bekannt, hat Rückert selbst sich enthalten Kriterien für die Wertung der individuellen historischen Geschehnisse und Tatsachen aufzustellen. In dieser Frage haben die lettischen und estnischen bürgerlichen Historiker Rückert ergänzt, indem sie das Prinzip des Nationalismus als höchstes Kriterium für den Historiker erklärten.

Im bürgerlichen Estland wurde eine ganze Reihe von Historikern (H. Kruus, I. Vasar, H. Sepp, P. Johansen, K. Uluots, O. Liiv) hauptsächlich durch Forschungen bekannt, welche der Geschichte der Agrarverhältnisse gewidmet waren. Am meisten wurde für die Erforschung der sogenannten schwedischen Zeit getan (zweite Hälfte des XVI und das XVII Jahrhundert).

Die angesehensten Historiker im bürgerlichen Lettland waren A. Švābe, Fr. Balodis und A. Tentelis. Letzterer beschäftigte sich hauptsächlich mit Fragen der Methodologie und Philosophie der Geschichte. Fr. Balodis wurde als Autorität auf dem Gebiete der Archäologie betrachtet. Mit der sozialen und politischen Geschichte, wie auch der Rechtsgeschichte, vorzüglich der feudalen Epoche, beschäf-

tigte sich A. Švābe. Der uns interessierenden Frage über die Rolle der Volksmassen in der Geschichte Lettlands, kommt A. Švābe am nächsten in seinen frühen geschichtlichen Arbeiten, welche der Geschichte der Kultur und der Agrarverhältnisse gewidmet sind.¹ Nachdem er den Nationalismus als höchstes Kriterium für die Wertung historischer Tatsachen und Geschehnisse erklärte, erkennt A. Švābe im Prinzip die Notwendigkeit der Erforschung der Geschichte der Volksmassen, der Geschichte des Proletariats und des Bauerntums an. Jedoch hat Švābe sich mit der wörtlichen Deklaration begnügt und nichts zur Erforschung der Geschichte des lettischen Proletariats und landlosen Bauerntums getan. In seiner Darstellung ist die Agrargeschichte Lettlands reduziert auf die Beschreibung der historischen Schicksale der höheren Zwischenschicht der Bauernschaft — der Eigentümer von Bauerngesinden, einer geringen Gruppe von persönlich freien Bauern und kleinen Ordensvasallen. A. Švābe hat gänzlich mit den historischen Traditionen Garlieb Merkels, der russischen revolutionären Demokraten und der Jungletten gebrochen. Er macht ihnen den Vorwurf, dass sie viel zu viel Aufmerksamkeit der Versklavung der Volksmassen und anderen negativen Geschehnissen der Geschichte des lettischen Volkes widmen. Für die nationalen Interessen der lettischen Bourgeoisie hält er es für schädlich sich mit der Erforschung der Geschichte der jahrhundertlangen Versklavung und Bedrückung des lettischen Volkes durch die ausländischen Eroberer zu beschäftigen. Zu diesem Zweck hielt A. Švābe es für möglich die Lage der lettischen

---

¹ A. Sch w a b e. Grundriss der Agrargeschichte Lettlands. Riga, 1928. — A. Š v ā b e. 1) Latvju kulturas vēsture. I, II. Rīgā, 1921—1922; 2) Pagasta vēsture, I. Rīgā, 1926; 3) Zemes attiecību un zemes reformu vēsture Latvijā. (Krājumā «Latvijas agrarā reforma»). Rīgā, 1930.

Bauernschaft zur Zeit der Herrschaft des Livländischen Ordens (XIII—XVI Jahrhundert) augenscheinlich zu beschönigen und dabei die schwedischen Eroberer (XVII Jahrhundert) als die Träger einer neuen, höheren Kultur zu verherrlichen. Gleich anderen Historikern des bürgerlichen Lettlands hat A. Švābe nicht gespart mit düsteren Farben um die historischen Schicksale des lettischen Volkes nach dem Anschluss an Russland darzustellen. In seinen historischen Forschungen versucht A. Švābe zu beweisen, dass die Zivilisation (Religion und Rechtsbegriffe) die Geschichte Lettlands und des lettischen Volkes mit Westeuropa verbindet.

Aus dem oben gesagten folgt, dass die Sowjethistoriker, die sich mit Erforschung der Geschichte der ostbaltischen Völker beschäftigen, wenig wertvolles auffinden können in der Erbschaft die die bürgerlichen Historiker hinterlassen haben. Die schöpferische Rolle der Volksmassen in der Geschichte ist, im Grunde genommen, ausserhalb des Gesichtskreises der letzten Generation der bürgerlichen Historiker geblieben und ist für sie niemals Objekt gründlicher wissenschaftlicher Forschungen gewesen. Die positive Seite der Tätigkeit der bürgerlichen Historiker Lettlands und Estlands in der letzten Periode war die Vorbereitung einer Reihe von Quellenpublikationen aus der Epoche des Feudalismus, besonders zur Agrargeschichte. Gleichzeitig muss man aber bemerken, dass im bürgerlichen Lettland sehr wenig zur Erforschung der Archiv-Fonds getan wurde.

6. Die marxistische Historiographie im Ostbaltikum bis zum Jahre 1917

Die qualitativ neue und gründliche Erforschung der Geschichte der baltischen Völker beginnt noch in den 90-er Jahren des verflossenen Jahrhunderts. In den bal-

tischen Gouvernements erstarkte die Arbeiterbewegung. Zugleich begann die Verbreitung der marxistischen Lehre. Schon die ersten Forscher verstanden es mit Anwendung der Methode des historischen Materialismus die grundlegende Gesetzmässigkeit der historischen Entwicklung der baltischen Völker aufzudecken. Derartige Versuche unternahm Fr. Roziņš-Āzis (1870—1919), einer der Begründer der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Lettlands. Sich in der Emigration in der Schweiz befindend, weit entfernt von baltischen Archiven und Bibliotheken, verfasste er das Werk «Der lettische Bauer».¹ Diese Arbeit wurde vom Parteiverlag veröffentlicht, um die baltische deutsch-adelige und lettische bürgerlich-nationalistische Historiographie und ihren Einfluss auf die Volksmassen zu bekämpfen. Trotz des propagandistischen Charakters des Buches hat der Autor des «Lettischen Bauern» eine ganze Reihe tiefer wissenschaftlicher Probleme aufgestellt, die eine mühsame und langdauernde Forschungsarbeit erforderten. Wie schon erwähnt, hat Roziņš-Āzis sein Werk in ausserordentlich ungünstigen Verhältnissen verfasst, und daher konnte er natürlich nicht auf alle gestellten Probleme eine völlig befriedigende Antwort geben. Eine ganze Reihe von Forschungsproblemen, die von Roziņš-Āzis ins Auge gefasst wurden, haben erst später, viele Jahre nachher, die Sowjethistoriker ausgearbeitet. In anderen Fällen jedoch hat der Autor, nach meiner Meinung, seine Aufgabe befriedigend gelöst. Es behaupteten, zum Beispiel, die deutschen adeligen Historiker, und mit ihnen zugleich auch die let-

---

¹ Fr. Roziņš. *Latviešu zemnieks. Kulturvēsturiska un tautsaimnieciska studija*. Bernē, 1904. — Ф. Розин-Азис. Страница из истории крестьянства. Историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике. Со вступ. статьей П. Стучки. Пер., прим. и пред. к русскому изданию А. Я. Клявис-Клявина. Л., 1925.

tischen bürgerlichen Historiker, und zwar ohne jeglichen Beweis, -- der krasse Individualismus sei eine Rassenbesonderheit oder ein nationales Kennzeichen des lettischen Volkes. Mit Hilfe dieser Theorie vom lettischen Individualismus erklärten sie das Fehlen von Dörfern in der Agrargeschichte Lettlands, wie auch das Fehlen des Gemeindelandbesitzes als einer der Formen der Agrarverhältnisse. Fr. Roziņš, hat als erster darauf hingewiesen, dass auf Grund der vorhandenen Quellen man auf dem Territorium Lettlands das Vorhandensein von Dörfern durchgehend bis zum XV Jahrhundert verfolgen kann, als sie unter dem Einfluss der allgemeinen Leibeigenmachung verschwinden. Roziņš-Āzis hat auch die Hypothese aufgestellt, dass der uralte lettische «Pagasts» nach seiner historischen Bedeutung der altgermanischen Marke und dem slavischen Gemeindebesitz (Mir) entspreche. Nach unserer Meinung hat Fr. Roziņš-Āzis in dieser Frage einen richtigeren Forschungsweg eingeschlagen als A. Švābe, welcher, dem finnischen Historiker A. Korhonen¹ folgend, versucht den skandinavischen Ursprung des lettischen «Pagasts» zu beweisen.² Im Gegensatz zu der von der deutsch-baltischen Historiographie verbreiteten Theorie von der ursprünglichen Wildheit der baltischen Völker, hat Roziņš-Āzis die richtige These aufgestellt, dass noch vor der Ankunft der deutschen feudalen Eroberer den Letten und Liven ein entwickelter Ackerbau und Viehzucht bekannt waren, welche nach ihrer Entwicklungsstufe nicht unter der damals allgemeinen Entwicklung standen. Roziņš-Āzis hat weiterhin mit Recht darauf hingewiesen, dass die baltischen Völker Handelsbeziehungen mit den Slaven,

---

¹ A. Korhonen. Vakkalaitos. Helsinki, 1923.

² A. Schwabe. Grundriss der Agrargeschichte. Riga, 1928, S. 8.

Schweden und Dänen unterhielten, worüber zahlreiche archäologische Funde Beweis liefern, insbesondere die west- und osteuropäischen Münzfunde. Nach den Ergebnissen der späteren Forschungen der Sowjethistoriker war auch die Hypothese Roziņš richtig, dass noch vor Erscheinen der deutschen Eroberer die baltischen Völker den Weg der Entwicklung des Feudalismus beschritten hatten.

Beiläufig ist zu erwähnen, dass Fr. Roziņš-Āzis in einer ganzen Reihe von Fragen der Fortsetzer der historischen Traditionen von Garlieb Merkel, J. Petri und anderer deutscher Aufklärer Ende des XVIII und Anfang des XIX Jahrhunderts gewesen ist. Auf diese Weise ist eine direkte historische Sukzession zwischen den deutsch-baltischen Aufklärern und der fortschrittlichen lettischen und estnischen Historiographie der 60-er Jahre ersichtlich, wie auch die ersten Versuche des Aufbaues einer marxistischen Konzeption der Agrargeschichte Lettlands.

Die Revolution der Jahre 1905—1907 hat breite Volksmassen erweckt, welche eine ausserordentliche Aktivität im politischen Kampf gegen den Zarismus und gegen die Klassenherrschaft der Gutsherren entwickelten. Gerade die revolutionären Ereignisse haben gezeigt, dass namentlich das Volk, die werktätige Volksmasse, der wahrhaftige Schöpfer des historischen Entwicklungsprozesses ist. Unter dem Einfluss der revolutionären Ereignisse vom Jahre 1905 sind sogar die bürgerlichen Historiker gezwungen worden eine neue Umwertung der historischen Bedeutung des Klassenkampfes des Proletariats und der Bauernschaft vorzunehmen. Andererseits offenbarten die breitesten werktätigen Massen ein erhöhtes Interesse für die Geschichte ihrer Heimat, für die Vergangenheit ihres Volkes. Unter dem direkten Einfluss der Ereignisse der Revolution vom Jahr 1905 verfasste K. Landers seine «Geschichte Lett-

lands»,¹ welche die Geschichte des lettischen Volkes von uralten Zeiten bis zum Anfang des XX Jahrhunderts umfasst. Der Verfasser ist der erste lettische Historiker, der versucht eine Darstellung der Grundetappen der sozialen, politischen und kulturellen Entwicklung des lettischen Volkes zu geben. Da der Verfasser ein aktiver Teilnehmer des politischen Kampfes der damaligen Zeit war, fehlte ihm die Möglichkeit sich mit archivalischen Studien zu beschäftigen, er musste sich mit schon veröffentlichten historischen Quellenmaterial begnügen. Das Fehlen von archivalischen Daten hinderte K. Landers oft, wie vorher auch Fr. Roziņš, die Rolle der Bauernschaft und der werktätigen städtischen Masse in der politischen Geschichte des Landes gegenständlicher darzustellen. Das Fehlen von tatsächlichem historischen Material und ein gewisser Schematismus sind die wesentlichen Mängel einer Reihe von Kapiteln in den Arbeiten von Fr. Roziņš-Āzis und K. Landers.

K. Landers ist der erste lettische Historiker, der ausserhalb der Grenzen Lettlands weit bekannt war. Er veröffentlichte eine ganze Reihe von Abhandlungen, der Geschichte Lettlands gewidmet, wie in der periodischen russischen Presse, so auch in dem vielbändigen kollektiven Werk «Die Geschichte Russlands im XIX Jahrhundert» (Verlag «Granat»). In wissenschaftlicher Hinsicht sind seine agrargeschichtlichen Abhandlungen über das Baltikum im XIX Jahrhundert am wertvollsten.²

---

¹ K. Landers. 1) Latvijas vēsture. Kulturvēsturiski apcerējumi. I—III. Pēterburgā, 1908—1909; — K. Ландер. Очерки по истории латышского народа. «Русская мысль», 1906.

² K. Ландер. 1) Прибалтийский край в первой половине XIX в.; Город и городское самоуправление в Прибалтийском крае; Крестьянский вопрос в Прибалтийском крае во второй

In der Erforschung der Agrargeschichte Estlands hat Willem Buck (1879—1941) grosse Verdienste. Gleichwie Fr. Roziņš-Āzis, studierte er die Agrargeschichte Estlands, indem er die Hauptaufmerksamkeit auf den Entwicklungsprozess des Kapitalismus im Ackerbau richtete. In methodologischer Hinsicht stützt sich W. Buck auf das klassische Werk von Lenin «Die Entwicklung des Kapitalismus in Russland». Nach der Meinung von W. Buck, ist die Agrarfrage eine Frage der Befreiung des Volkes.¹ Er zeigt, wie die Entwicklung des Kapitalismus auf dem Lande zu einer verschärften Differenzierung des Bauernstandes und zu einer Proletarisierung der Bauernmasse führt. In der Eigenschaft eines Verbündeten der Bauernschaft erringt das Proletariat eine Macht, «welche die Türen zu einer neuen Welt eröffnet und den Weg in die Zukunft ebnet».² Der angesehenste Kommunist Estlands Viktor Kingisepp (1888—1922) hat in seinen historischen Schriften eine ausführliche Analyse der Probleme gegeben, die mit der Revolution der Jahre 1905—1907 und dem neuen Aufschwung der Arbeiterbewegung in den Jahren 1912—1914 in Estland zusammenhängen. Er ist bahnbrechend in der Bearbeitung der Geschichte der estnischen Arbeiterbewegung. Kingisepp betrachtet den Klassenkampf des estnischen Proletariats als Bestandteil der allrussischen Arbeiterbewegung.³

Infolge der notwendigen Kürze der Darlegung, beschliese ich hiermit die Analyse der Entwicklung der marxisti-

---

половине XIX века. История России в XIX в. под ред. М. Н. Покровского. Изд. Гранат, тт. II, IV, V; 2) Крестьянское движение в Прибалтийском крае. (См. П. Маслов. Аграрный вопрос в России, т. II, Приложение. Петербург, 1908).

¹ K. V. Л а й г н а. Развитие эстонской исторической мысли до 1917 г. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1952, стр. 16—18.

² Ibidem.

³ Ibidem.

stischen historischen Auffassung im Baltikum am Vorabend des Sieges der Sozialistischen Oktoberrevolution vom Jahre 1917.

7. Die Sowjet-Historiographie

Im Jahre 1940 wurde die Sowjetherrschaft in Lettland und Estland wiederhergestellt. Jedoch beginnt eine planmässige, systematische Forschungsarbeit der Sowjethistoriker mit den Problemen des Ostbaltikums erst nach Vertreibung der hitlerischen Okkupanten. Auf diese Weise umfasst die Forschungsarbeit der Sowjethistoriker auf diesem Gebiet eine Zeitdauer von etwas über zehn Jahre.

Die Organisation der Forschungsarbeiten auf historischem Gebiet der baltischen Völker wird unter Leitung der Geschichtsinstitute geführt, welche zum Bestandteil der Akademien der Wissenschaften sowohl der Lettischen, als auch der Estnischen Sozialistischen Sowjetrepubliken gehören. Ausserdem führen die Katheder der Geschichte an der Lettischen und an der Tartuer Staatsuniversität (Estnische SSR) wissenschaftliche Forschungsarbeiten auf dem Gebiet der Geschichte der baltischen Völker.

Einige Worte über den Personalbestand der Forscher. Zu den Sowjethistorikern gehört ein bedeutender Teil von Historikern, welche vordem im bürgerlichen Lettland und Estland arbeiteten: R. J. Wipper, M. Stepermanis, T. Zeids, B. Brežgo, J. Jenšs — in Sowjet-Lettland und Ch. Kruus, A. Vasar, L. Loone, der Archäologe H. Moora — in Sowjet-Estland. Dazu trat eine Gruppe lettischer und estnischer Historiker, welche bis zur Wiederherstellung der Sowjetherrschaft im Baltikum in der Sowjetunion arbeiteten: J. Zutis, J. Krastiņš, H. Moosberg und andere. Gleich in den ersten Jahren der Sowjetherrschaft wurde zur Vorbereitung neuer Spezialisten

geschritten und viele der jungen Historiker, die ihren Kandidatengrad in der Geschichtswissenschaft nach dem Jahre 1945 erworben, sind zur Zeit in der Historiographie der baltischen Völker schon durch ihre Werke bekannt: G. Naan, W. Maamägi, A. Drīzulis, J. Kahk und andere.

Die Sowjethistoriker des Baltikums haben auch kollektive Werke zusammenfassenden Charakters: «Geschichte der Lettischen SSR», Band I und II, und «Geschichte der Estnischen SSR» geschaffen. In verhältnissmässig kurzer Zeit wurde eine Arbeit vollführt, die die Historiker im Laufe von 20 Jahren des Bestehens der bürgerlichen Republiken Lettland und Estland nicht bewältigen konnten.

Die Sowjethistoriker haben eine ganz neue Konzeption der Geschichte der baltischen Völker herausgearbeitet. In unseren Forschungen des lettischen und estnischen Volkes werden die werktätigen Massen des Baltikums als Subjekte der historischen Entwicklung betrachtet. Entsprechend dieser Einstellung, ist in den Arbeiten der Sowjethistoriker die Aufmerksamkeit hauptsächlich auf die Lebensbedingungen und die Rechtslage der Bauernschaft im Mittelalter, der Arbeiterklasse und der Bauernschaft — in neuer Zeit gerichtet. Auf allen Entwicklungsetappen der feudalen, sowie auch der kapitalistischen Gesellschaft wird sorgfältig der Klassenkampf der werktätigen Massen gegen die Ausbeuter erforscht. Aufmerksamkeit wird auch dem Studium der materiellen und geistigen Kultur der Volksmassen gewidmet. Die Grundquelle für das Studium der Volkskultur im Mittelalter ist die Volkskunde. Forschungen haben ergeben, dass die Volkskultur sich wesentlich von der Kultur der herrschenden Klasse — der Feudalen — unterscheidet.

Beim Aufbau einer ganz neuen wissenschaftlichen Konzeption der baltischen Völker, können die Sowjethistoriker

sich nicht mit dem konkreten historischen Material, historischen Tatsachen begnügen, welche von den adeligen und bürgerlichen Historikern in den wissenschaftlichen Umlauf eingesetzt wurden. Zur Lösung einer ganzen Reihe von historischen Problemen, besonders beginnend mit der Periode des XVI Jahrhunderts, ist eine mühsame und planmässige Arbeit der Erforschung der Archivfonds notwendig. In den letzten Jahren wurde eine angestrengte Arbeit in den Archiven von Riga, Tartu, Tallinn, Leningrad, Moskau, Mogilew, Minsk, Wilnus und anderen Städten geführt; überall werden von den Forschern auf dem Gebiete der ökonomischen, sozialen und politischen Geschichte des Ostbaltikums neue, zum grössten Teil noch unbekannt, Archivmaterialien zu Tage gefördert.

Erfolgreich wird die Erforschung der Agrargeschichte und des Klassenkampfes der Bauernschaft in der feudalen Gesellschaft geführt. An der Geschichte des lettischen Bauerntums im Mittelalter arbeiten mit Erfolg: T. Zeids,¹ W. Doroschenko,² D. Liepiņa,³ M. Stepermanis,⁴ J. Zutis,⁵

---

¹ T. Zeids. Feodalisms Livonijā. Rīgā, 1951.

² В. В. Дорошенко. Латышские племена в I тысячелетии нашей эры. Вопросы истории, 1952, № 9.

³ Д. Э. Липиня. Крестьяне Рижского патримониального округа в XVI—XVII вв. Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

⁴ Von M. Stepermanis ist eine umfassende Monographie «Die Unruhen der livländischen Bauern in der zweiten Hälfte des XVIII Jahrhunderts» vorbereitet worden.

⁵ J. Zutis. 1) Agrie viduslaiki Latvijā (IX—XII gs.). Rīgā 1948; 2) Vidzeme XVIII gadsimtenī. Rīgā, 1945; 3) Vidzeme kā poļu und zviedru cīņas objekts. Rīgā, 1949; 4) Krievu un Baltijas tautu cīņas pret vācu agresiju. Rīgā, 1948; 5) Livonijas karš (1558—1582). Rīgā, 1949; 6) Cīņa par agrarām reformām XIX gadsimta pirmā pusē. Rīgā, 1945; 7) Latvija kļaušu saimniecības sairsanas periodā un Kauguru nemieri 1802. gadā. Rīgā, 1953; 8) Vidzemes und Kurzemes zemnieku likumi XIX gadsimta sākumā (1804—1819). Rīgā, 1954.

В. Brežgo,¹ М. Kosin,² Н. Strods,³ und andere. Die Geschichte des lettländischen Proletariats ist Gegenstand von monographischen Forschungen von J. Krastiņš,⁴ В. Vilks,⁵ К. Kauliņš⁶ und Т. Draudiņš.⁷ Zur Geschichte der Revolution der Jahre 1905—1907 erschienen Forschungen von P. Dauge,⁸ J. Krastiņš,⁹ Н. Moosberg¹⁰ und К. Kauliņš.¹¹ Die Jahre des neuen revolutionären Aufschwunges (1912—1914) werden erfasst in den Dissertationen der Kandidaten J. Rutmanis,¹² und E. Ripa,¹³ sowie auch

¹ В. Р. Брежго. Борьба латгальских крестьян в феодально-крепостническое время. Изв. Акад. наук Латвийск. ССР, 1952, № 4.

² М. И. Козин. Развитие аграрных отношений в Лифляндской губернии в 60-х годах XIX века. Автореферат канд. дисс. Рига, 1952.

³ Г. Строд. Курземские казенные имения в период разложения барщинного хозяйства в первой половине XIX века. Автореферат канд. дисс. Рига, 1953.

⁴ J. Krastiņš. 1) Latvija straujas kapitalisma attīstības laikā un imperialismā laikmeta sākumā. Rīgā, 1948; 2) Latvija Stolipina reakcijas gados (1908—1912). Rīgā, 1949; 3) Latvija strādnieku kustības uzplūdu gados (1912—1914). Rīgā, 1949.

⁵ В. Я. Вилкс. Формирование промышленного пролетариата в Латвии во второй половине XIX века. Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

⁶ К. Кauliņš. Latvijas darbaļaužu cīņas boļševiku vadībā par padomju varu. Rīgā, 1950.

⁷ Т. Драудиņš. Rīga — proletariata revolucionarās kustības centrs Latvijā. Literatura un Māksla, 1951, №№ 41—46.

⁸ Р. Дауге. 1905—1907 гada revolūcija Latvijā. Rīgā, 1949.

⁹ J. Krastiņš. 1905 гada revolūcija Latvijā (1905—1907). Rīgā, 1950.

¹⁰ Г. Мосберг. Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. Автореферат канд. дисс. М., 1953.

¹¹ К. Кauliņš. 1905 гada janvara dienas Latvijā. Padomju Latvijas Boļševiks, 1946, № 1/2.

¹² И. К. Рутман. Борьба большевиков Латвии с ликвидаторством в годы нового революционного подъема (1912—1914). Автореферат канд. дисс. Рига, 1953.

¹³ Е. Рипа. Рабочее движение в Риге в годы революционного подъема (1912—1914). Автореферат канд. дисс. М., 1953.

in den Arbeiten von J. Krastiņš und K. Kauliņš. Mit Forschungen aus dem Gebiet der Geschichte der Februarrevolution vom Jahre 1917 und der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf dem Territorium Lettlands beschäftigt sich eine Reihe junger Historiker: A. Zīle,¹ J. Prēdele,² V. Steinbergs,³ T. Draudiņš.⁴

Das Zusammenbrechen der Pläne des deutschen Imperialismus von der Eroberung und Kolonisation des Ostbaltikums bildeten das Thema der Kandidaten-Dissertationen von A. Salmiņš,⁵ und S. Grauziņis.⁶

Ein neues Gebiet der Forschungen, auf dem die Sowjethistoriker keine Vorgänger haben, ist die Nachoktoberperiode und die Geschichte des Aufbaues der sozialistischen Gesellschaft. Die baltischen Völker jedoch, im Gegensatz zur Geschichte der übrigen Völker der Sowjetunion, haben sich im Laufe von 20 Jahren unter der Herrschaft ihrer

¹ А. Я. З и л е. Экономические мероприятия советского правительства Латвии в 1919 году. Автореферат канд. дисс. Рига, 1950.

² Я. П р е д е л е. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии. Автореферат канд. дисс. Рига, 1951.

³ В. А. Ш т е й н б е р г. 1) Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии. Автореферат канд. дисс. Рига, 1951; 2) Революционное движение в Латвии в период первой мировой войны и Февральской революции (1914—март 1917 гг.). Краткий очерк. Рига, 1954.

⁴ Т. Д р а у д и њ ш. 1917 gads Latvijā. Padomju Latvijas Skola, 1947, №№ 11, 12.—Т. Д р а у д и њ ш. О ликвидации помещичьего землевладения в Латвии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Изв. Акад. наук Латвийск. ССР, 1953, № 11.—Т. Д р а у д и њ ш. 1918 gads Latvijā. Padomju Latvijas Skola, 1948, № 8.

⁵ А. Я. С а л м и њ ш. Крушение колонизаторских планов германского империализма в Латвии в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Автореферат канд. дисс. Рига, 1952.

⁶ С. К. Г р а у ж и њ и с. Агрессия империалистов США и западноевропейских государств в Латвии (1918—1920). Автореферат канд. дисс. Рига, 1953.

nationalistischen Bourgeoisie befunden. Daher widmen die baltischen Sowjethistoriker viel Aufmerksamkeit der Erforschung des Kampfes der werktätigen Massen im bürgerlichen Lettland und Estland um die Wiederherstellung der Sowjetherrschaft. So arbeitet J. Krastiņš am Thema der Arbeiterbewegung im bürgerlichen Lettland;¹ zum selben Thema haben auch A. Spreslis und A. Drizulis eine Reihe von Abhandlungen veröffentlicht.² In Estland arbeitet J. Taigro am Thema des Kampfes der Werktätigen Estlands gegen die Interventen in den Jahren 1918—1920. Den Kampf der werktätigen Massen Lettlands zur Zeit des Bürgerkrieges und der Intervention beleuchtet A. Leits.³ Von grosser historischer Bedeutung ist der bewaffnete Aufstand der estnischen Arbeiter, die im Jahre 1924 für die Wiederherstellung der Sowjetherrschaft auftraten. An diesem Thema arbeitet J. Saat.⁴ Der Kampf des lettischen Proletariats im bürgerlichen Lettland war das Thema von Kandidaten-Dissertationen: J. Spružs,⁵ K. Medwedewa⁶ und anderer junger Historiker.

¹ J. Krastiņš. 1) Latvija buržuaziskās republikas laikā (1923—1934). Rīgā, 1949; 2) Latvija fašistiskās diktaturas laikā (1934—1940). Rīgā, 1949.

² А. Спреслис и А. Дризул. Из истории рабочего движения в буржуазной Латвии. Большевик Советской Латвии, 1951, № 14; 1952, №№ 8 и 9.

³ А. Лейт. Агрессия империалистических держав в Латвии (1917—1920). Рига, 1952.

⁴ И. Саат. 1) Борьба эстонского народа под руководством КП(б) Эстонии за установление советской власти. Таллин, 1948; 2) Борьба коммунистов против буржуазно-националистических партий в Эстонии. Таллин, 1953.

⁵ Ю. Ю. Спруж. Борьба Коммунистического союза молодежи Латвии под руководством Коммунистической партии против диктатуры буржуазии в 1919—1929 гг. Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

⁶ К. М. Медведева. Борьба Коммунистической партии Латвии за создание и проведение единого фронта пролетариата

Mit dem Studium der historischen Entwicklung des bürgerlichen Lettlands beschäftigen sich ausser den Historikern, auch Ökonomen: Fr. Deglavs, L. Starodubskis,¹ P. Dzērve,² R. Roze³ und andere. In ihren Forschungen kamen sie zu den Schlussfolgerungen, dass die Industrie und Landwirtschaft in den baltischen Gouvernements, als Bestandteile der Ökonomie des zaristischen Russlands, noch vor dem Jahre 1914 eine hohe Entwicklungsstufe erreicht haben. Nachdem die baltischen Länder von der Volkswirtschaft Osteuropas abgetrennt und in das ökonomische System des westlichen monopolistischen Kapitals einbezogen wurden, entstanden in der Ökonomik der baltischen Länder zur Zeit der Herrschaft der nationalen Bourgeoisie wichtige Strukturveränderungen und war ein bedeutender Verfall der industriellen Erzeugung zu vermerken.

In ihren Forschungen haben die Sowjethistoriker gezeigt, dass die Wiederherstellung der Sowjetherrschaft im Jahre 1940 ein gesetzmässiger historischer Prozess der Entwicklung der ostbaltischen Völker gewesen ist. Im Resultate der sozialistischen Revolution vom Jahre 1940, beschränkt die Völker des Baltikums den Weg des erfolgreichen Aufbaues einer neuen sozialistischen Gesellschaft (A. Drīzulis,⁴

против фашистской диктатуры (1934—1938). Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

¹ Л. Стародубский. Упадок фабрично-заводской промышленности в буржуазной Латвии. Рига, 1952.

² P. Dzērve. 1921—1933 g. ekonomiskā krīze buržuaziskajā Latvijā un tās īpatnības. Rīgā, 1953.

³ P. K. Розе. Реакционная роль кредитной и эмиссионной деятельности государственного банка буржуазной Латвии (1922—1940). Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

⁴ A. Drīzulis. 1) Buržuaziskās Latvijas pirmie gadi (1920—1923). Rīgā, 1948; 2) Cīņa par fašistiskās diktaturas gāšanu un Padomju Latvijas nodibināšana 1940 gadā. Rīgā, 1951; 3) Padomju

W. Maamägi¹). Der heldenmütige Kampf der Volksmassen Lettlands gegen die hitlerischen Okkupanten wird in den Arbeiten V. Samsons,² R. Tizenberg³ und W. Mironowa-Schpakowskaja⁴ behandelt. Zur Zeit beschäftigen sich K. Strazdins⁵ und L. Terentjewa⁶ mit der Geschichte des Kampfes der Arbeiterklasse und des Bauerntums für die sozialistische Umwandlung der Landwirtschaft, der junge estnische Historiker W. Maamägi — mit der Geschichte des kulturellen Aufbaues in der Estnischen SSR.

Die Aufzählung der Forschungsprobleme und Themas zur Geschichte der baltischen Völker, an welche gegenwärtig die Sowjethistoriker arbeiten, gibt einen Begriff davon, in welcher Richtung die wissenschaftliche Forschungsarbeit geführt wird. Es ist verständlich, dass diese Thematik sich grundsätzlich von den Problemen unterscheidet, welche in der früheren Historiographie des Ostbal-

---

Latvijas socialistiskās celtniecības pirmie gadi (1940—1941). Rīgā, 1952. — А. Д р и з у л. Установление советской власти и первые шаги социалистического строительства в Латвии (1940—1941). — Исторические записки, № 45, 1954.

¹ В. А. М а а м я г и. Борьба эстонского народа за социализм (1940—1950). Автореферат канд. дисс. М., 1954.

² V. S a m s o n s. Partizanu kustība Ziemeļlatvijā Lielā Tēvijas kara laikā. Rīgā, 1950.

³ Р. Я. Т и з е н б е р г. Латышский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945). Изв. Акад. наук Латвийск. ССР, 1954, № 10 (87).

⁴ В. Г. М и р о н о в а - Ш п а к о в с к а я. Коммунисты Латвии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945). Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

⁵ К. Я. С т р а з д ы н ь. Победа социализма в Латвийской ССР. — Исторические записки, № 45, 1954.

⁶ Л. Н. Т е р е н т ь е в а. Социалистические преобразования в хозяйстве, быту и культуре латышского крестьянства. Автореферат канд. дисс. М., 1952.

tikums ausgearbeitet wurden. Es ist notwendig zu vermerken, dass in vielen Fragen der Geschichte der baltischen Völker die Sowjethistoriker noch weit davon entfernt sind allgemein anerkannte Schlussfolgerungen zu ziehen. Um die Lösung einer ganzen Reihe von Fragen wird die Kontroverse fortgesetzt, Diskussionen finden statt, über andere Fragen werden sie unvermeidlich in nächster Zeit entstehen. Eine solche Diskussionsfrage ist, zum Beispiel, das Problem der Entstehung des Feudalismus im Ostbaltikum. Wie bekannt, wurde in der früheren baltischen Historiographie fast restlos anerkannt, dass der Feudalismus von den deutschen Kreuzrittern im XIII Jahrhundert vollständig aus Deutschland herübergebracht wurde. Es ist verständlich, dass die Sowjethistoriker niemals zu dieser Theorie der Genesis des Feudalismus zurückkehren werden, welche zur notwendigen Voraussetzung die ursprüngliche Wildheit der alten Letten, Liven und Esten hat. Mit ähnlichen Erfindungen haben die baltischen deutschen Historiker die Kreuzzüge gerechtfertigt und die blutigen Heldentaten der feudalen Eroberer als Kulturträgertum erklärt. Über solche antiwissenschaftliche Erdichtungen ist, von unserem Standpunkt aus, jegliche wissenschaftliche Diskussion unmöglich. Statt dessen, interessieren sich die Sowjethistoriker ausserordentlich für Fragen über den Entwicklungszustand der Viehzucht, des Ackerbaues, der Gewerbe und des Handels bei den baltischen Völkern des XIII Jahrhunderts. Uns interessiert die Frage über die Form der Feudalbeziehungen und den Grad ihrer Reife bevor die Eroberer des XIII Jahrhunderts den baltischen Völkern viele feudale rechtliche Institutionen, die typisch für das mittelalterliche Deutschland waren, gewaltsam hergebracht und aufgedrungen haben. In der Sowjethistoriographie gehen über diese Fragen die Meinungen auseinander. Es genügt, zum Beispiel, das, was der Akademiker B. D. Grekov über die

sozialökonomische Entwicklung der baltischen Völker in seinem Buch «Die Bauern in Russland»¹ geschrieben hat, mit den Stellen des entsprechenden Kapitels in der «Geschichte der Lettischen SSR», Band I,² zu vergleichen, um sich über bedeutende Abweichungen in den Auffassungen zu überzeugen. Es würde fehlerhaft sein die Frage der Genesis des Feudalismus bei den baltischen Völkern schon als gelöst zu betrachten.

Auf anderen vereinigten wissenschaftlichen Sessionen, welche den Fragen der Geschichte der baltischen Völker gewidmet waren, hat sich eine lebhafte Diskussion entwickelt über die Frage der Wertung der nationalen Bewegung der Letten und Esten in den 60—70-er Jahren des verfloßenen Jahrhunderts. Einige Historiker (G. Naan, W. Maamägi und andere) sehen die estnischen Vorkämpfer der Epoche der nationalen Bewegung — Fr. Kreutzwald und K. Jakobson — als Vertreter und Interessenausleger der Bauernschaft an. Andere baltische Historiker jedoch, zum Beispiel J. Krastiņš, halten sie, wie auch die Jungletten, für Ideologen der aufsteigenden nationalen Bourgeoisie. Der Widerhall dieser Diskussion fand seine Abspiegelung an den entsprechenden Stellen der «Geschichte der Lettischen SSR», Band II, und der «Geschichte der Estnischen SSR».³

Zwischen den lettischen Historikern und Literaturwissenschaftlern entspann sich eine scharfe Diskussion über die Frage der Wertung derjenigen Gesellschafts- und Literaturbewegung der 90-er Jahre des verfloßenen Jahrhunderts, welche unter der Bezeichnung «Neue Strömung»

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I. М., 1952, стр. 386—395.

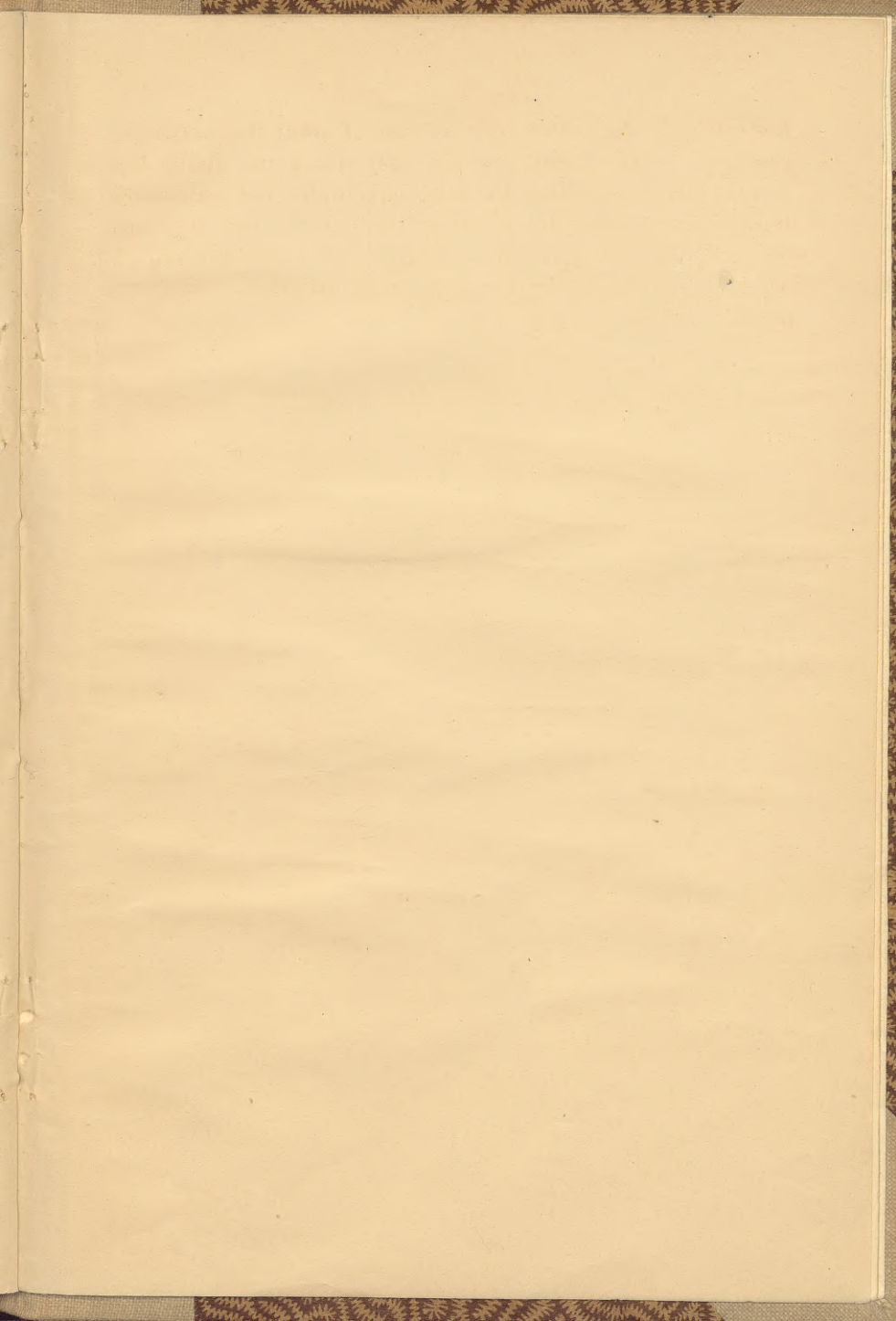
² История Латвийской ССР, т. I, Рига, 1952, стр. 50—72.

³ История Латвийской ССР, т. II, Рига, 1954, стр. 100—110; История Эстонской ССР, Таллин, 1952, стр. 223—229.

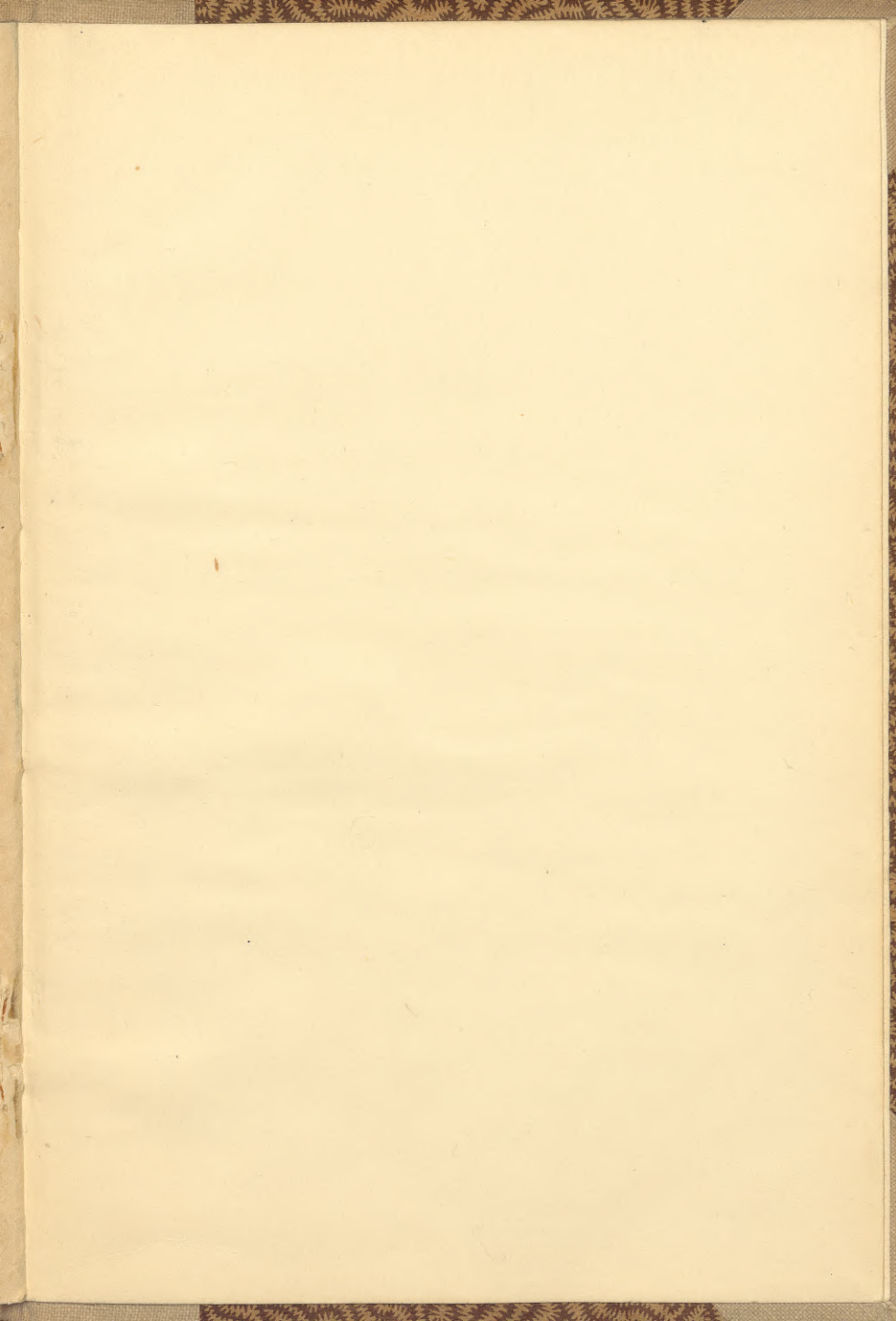
bekannt ist. Ähnliche Diskussionen, Kampf der entgegengesetzten Auffassungen entsteht über eine ganze Reihe von Fragen der Geschichte des Klassenkampfes der baltischen Bauernschaft, über die Wertung der agraren Gesetzgebung des XIX Jahrhunderts, über Fragen der Forschung einzelner Etappen der Entwicklung der revolutionären Bewegung im XX Jahrhundert u. s. w.

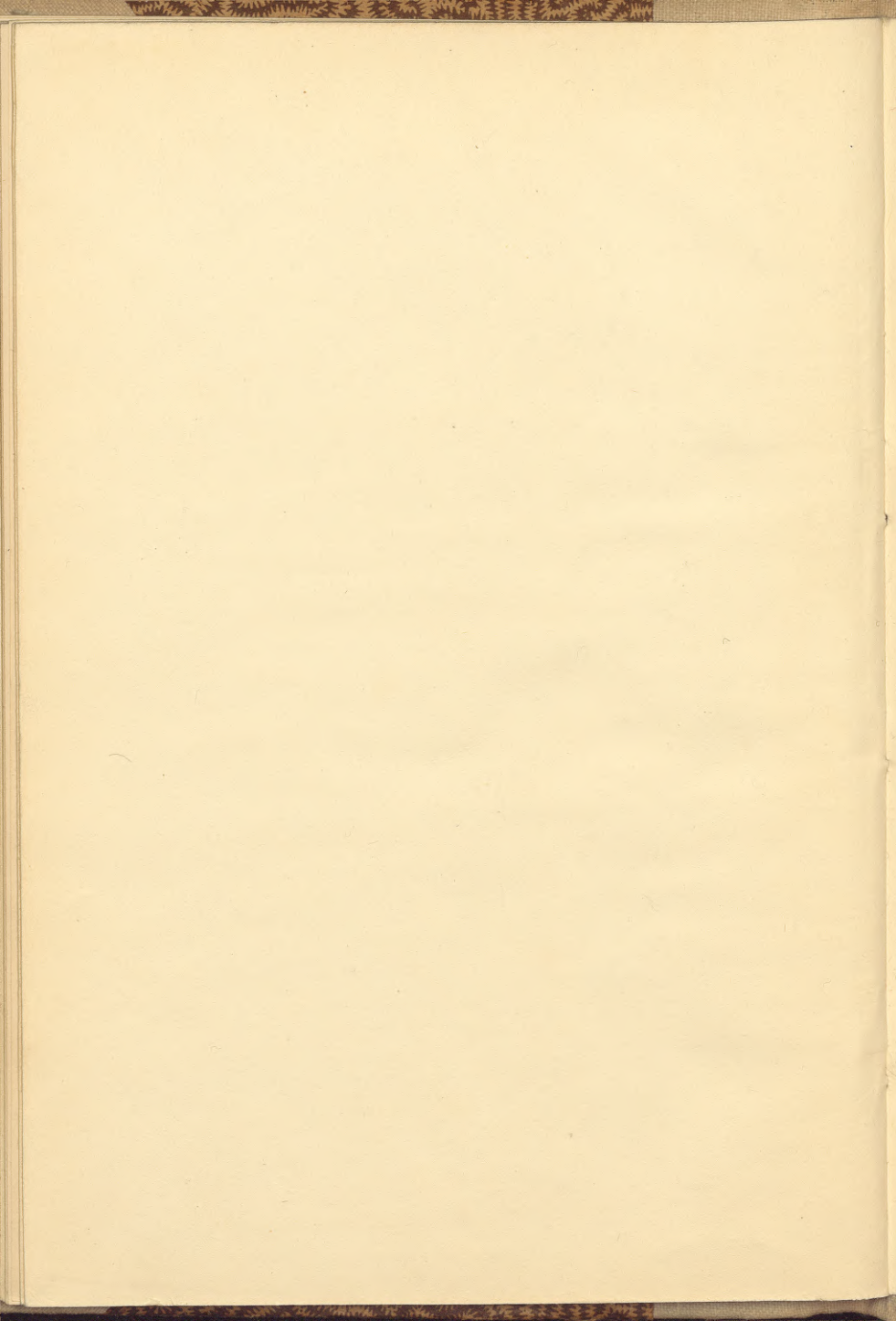

LĀTVIJAS NACIŅĀLĀ BIBLIOTĒKA

0309081371